0.5,4

Театръ и искусство.

XIII годъ изданія

Воскресенье, 27 Декабря

№ 52

1909

Послѣднія изданія „Театра и Искусства“:

***Во имя ребенка, (Судъ Соломона),** п. въ 3 д. Бріе, ц. 2 р. Прав. В. № 268 с. г.

М-те Давидъ, ком. въ 4 д. А. Ѳедорова. (Реперт. т. Корша СПБ. Малаго т.), ц. 2 р., ценз. 4 р., роли 2 р. 50 к.

Братъ, др. въ 4 д. А. Ѳедорова (реперт. т. Невлобина), ц. 2 р., роли 2 р. 50 к.

Около любви, п. въ 4 д. А. И. Фингерта, (Реперт. т. Корша), ц. 2 р.

Аѳинянка-лизистрата, ком. Аристофана въ IV д., приспособлен. Л. Грейнеромъ, перев. А. И. Долинова, (ближ. новинка СПБ. Малаго т.), ц. 2 р.

Маккавеи, др. въ 5 д. Оттона Людвига, пер. Н. К. Мельникова (Сибиряка), ц. 2 р.

***Пути любви,** др. въ 5 д. Ѳ. Дымова, (м. 3, ж. 4) ц. 2 р., роли 3 р. Пр. В. № 252 с. г.

Живые-мертвые, (Старый обрядъ) др. въ 4 д. А. Будищева (Реперт. Спб. Малаго т. и Москов. Импер. Малаго т.) (м. 7, ж. 8) ц. 2 р., роли 2 р. 50 к.

Анатэма, Леонида Андреева, ц. 2 р. Ценз. 4 р., роли 3 р.

Цезарь и Клеопатра, Б. Шоу, пер. Э. Бескина и Лебедева. (Реперт. СПБ. Драмат. и Моск. Мал. т.) ц. 2 р. Роли 3 р.

Анфиса, Леонида Андреева ц. 2 р., ценвур. 3 р., Роли 2 р. 50 к.

***Чужое счастье,** п. въ 4 д. И. Н. Потапенко ц. 2 р., роли 2 р. 50 к. (Ближайшая новинка Спб. Малаго т.). Пр. В. № 230.

***Скандалъ,** въ 4 д. Батайля, перев. М. Потапенко, ц. 2 р. Пр. В. № 252 с. г.

***Вѣчная ложь,** эпизодъ въ 3 дѣйст. Н. Острежскаго (Репертуаръ театра Корша) ц. 2 р. Роли 2 р. 50 к. Прав. В. № 230.

Легенда, п. въ 4 д. І. В. Радзивилловича, (м. 6, ж. 3), ц. 2 р., роли 2 р. 50 к.

***Хозяева жизни,** п. въ 5 д. Г. Яшинскаго, ц. 2 р., роли 3 р. Пр. В. № 230.

Цѣною слезъ. (комедія ошибокъ) въ 3 д. Ю. Жулавскаго (автора „Эросъ и Психея“) пер. съ польскаго А. Френкели, ц. 2 р.

***Обыватели,** ком. въ 4 д. В. В. Рышкова (Реперт. Императ. Алекс. т.) (м. 6, ж. 6) ц. 2 р. Роли 2 р. 50 к. Пр. В. №: 215 с. г.

***Нечистая сила,** др. въ 4 д. А. Бахметьева ц. 2 р. (Ближ. новинка Спб. Малаго театра) (м. 7, ж. 4). Роли 2 р. 50 к. Пр. В. № 204 с. г.

***Освобожденные рабы,** ком. въ 3 д. Кадельбурга и Блюменталя, пер. Федоровича (репер. Корша), ц. 2 р. Роли 2 р. 50 к. Пр. В. № 168 с. г.

Трагедія таланта (Вѣчные странники), п. въ 4 д. Кайдарова, II-ое исправлен. изд. ц. 2 р.

***Гордость города,** ком. въ 5 д. Р. Бидо, пер. съ нѣмец. (Реперт. Корша), ц. 2 р. Роли 2 р. 50 к. Пр. В. № 204 с. г.

***Крупная игра,** др. въ 3 д. Дидринга, пер. О. Норвежскаго (м. 5, ж. 2) (Реперт. Спб. Малаго театра), ц. 2 р., Пр. В. № 124 с. г.

***Мелкій бѣсъ,** п. въ 5 д. Ѳ. Сологуба (реперт. Спб. Драматическаго и т. Невлобина), ц. 2 р., роли 3 р. Пр. В. № 215 с. г.

***Звѣзда нравственности,** ком. въ 4 д. В. В. Протопопова, ц. 2 р. Роли 2 р. 50 к. (Реперт. СПБ. Малаго театра.) Пр. В. № 215 с. г.

***Бѣлая кость,** ком. въ 3 д. Шолома Аша, (м. 8, ж. 7) ц. 2 р. Роли 2 р. 50 к. „Прав. Вѣсти.“, № 87 с. г.

***Орелъ,** ком. въ 4 д. Ф. А. Червинскаго (м. 7, ж. 4) (Реперт. СПБ. Малаго т.), ц. 2 р. Роли 2 р. 50 к. Пр. В. № 168 с. г.

***Которая изъ трехъ,** (Оселъ Буридана), ком. въ 3 д., пер. Ярона и Пальмскаго, ц. 2 р. Роли 2 р. 50 к. Прав. Вѣсти. № 159 с. г.

***Золотая свобода,** ком. въ 3 д., пер. Ярона и Пальмскаго, ц. 2 р. Роли 2 р. 50 к. Пр. В. № 159 с. г.

РЕПЕРТУАРЪ
„ТЕАТРА УЖАСОВЪ“
(grand-guignol).
*„КРОВЬ ЗА КРОВЬ“, др. въ 2 д. В.В. ротопопова (ж. 4, м. 4), ц. 1 р. Пр. В. 215 с. г.
*„Сила любви“ въ 1 д. А. Смолдовскаго, ц. 1 руб. Пр. В. № 230. „Вендетта“, ц. 1 р. „Пр. В.“ № 87. „Послѣдняя пытка“, ц. 60 к. „Пр. В.“ № 7. „Первый выѣздъ“, ц. 60 к. „Пр. В.“ № 7. „На маякѣ“, ц. 60 к. „Пр. В“. № 7. „Система д-ра Гудрона“, ц. 1 р. р. В. № 109. По 50 к.
„Звѣрь проснулся“. Пр. В. № 204.
*„Смерть въ объятіяхъ“. Пр. В. №148.

„ВАНЬКА КЛЮЧНИКЪ и ПАЖЪ ЖВАНЪ“
др. въ 12 двойныхъ сценахъ Ѳ. Соллогуба (Реперт. т. В. Коммиссаржевской), ц. 1 р. „Пр. В.“ № 230 с. г.
Изданіе журнала „Театръ и Искусство“.

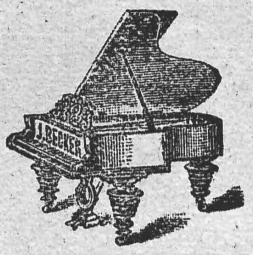
НАША КИТТИ,
ком. въ 3 д. переводъ съ англійскаго (м. 3, ж. 4), ц. 2 р. Второе изд. журнала „Театръ и Искусство“.

НОВАЯ ПЬЕСА.
М. И. Михайловъ (Рыбицкій)
„НА ХУТОРѢ У МИЛЫХЪ ОКУНЬКОВЫХЪ“.
Простыя сцены въ 4 дѣйств. цѣна 2 р.
Контора журнала „Театръ и Искусство“.

„Венера въ лѣсу“
Шутка въ 1 д. пер. О. Норвежскаго (Реперт. Спб. Лит. т.), ц. 1 р.
Контора журнала „Театръ и Искусство“.

„ЛЮБОВЬ ДОЧЕРИ“
комедія въ 3 д., перев. съ итал. Е. В. Богдановской, ц. 1 р. 25 к.
Книжный отдѣлъ конторы журнала „Театръ и Искусство“.

РОЯЛИ ШАНИНО
Я. БЕККЕРЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Морская, 35.
КАТАЛОГИ: № 15 ПО ВОСТРЕБОВАНІЮ.



Театры и сады Спб. Городского Попечительства о народной трезвости.
ТЕАТРЪ НАРОДНАГО ДОМА ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.
Суббота 26-го въ 1 ч.: *„РОБИНЗОНЪ КРУЗОЕ“*; *„БАСНИ КРЫЛОВА“*; въ 5 ч.: *„ЗАЧѢМЪ ПОЙДЕШЬ, ТО И НАЙДЕШЬ“*; въ 8 ч.: *„ШУТНИКИ“*. 27-го въ 1 ч.: *„РОБИНЗОНЪ КРУЗОЕ“*; *„БАСНИ КРЫЛОВА“*; въ 5 ч.: *„ЖЕНИТЬБА“* въ 8 ч.: *„РУСАЛКА“*.—28-го: *„80 ТЫСЯЧЪ ВЕРСТЪ ПОДЪ ВОДОЙ“*.—29-го въ 1 ч.: *„80 ТЫСЯЧЪ ВЕРСТЪ ПОДЪ ВОДОЙ“*; въ 8 ч.: *„ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ“*.—30-го въ 1 ч.: *„БОРИСЪ ГОДУНОВЪ“*; въ 8 ч.: *„80 ТЫСЯЧЪ ВЕРСТЪ ПОДЪ ВОДОЙ“*.—31-го: *„ДЕМОНЪ“*.—1-го Января въ 1 ч. *„ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА“*; въ 8 ч.: *„ФАУСТЪ“*.—2-го: *„ПИКОВАЯ ДАМА“*.
Василеостровскій театръ. 26-го: *„ГОРЕ ОТЪ УМА“*.—27-го: *„ПРЕСТУПНИЦА“*.—29-го: *„ЖЕНИТЬБА БѢЛУГИНА“*.—1-го Января: *„ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА“*.
Общедоступныя развлеченія (бывшій Стеклянный заводъ). 26-го: *„ЗА МОНАСТЫРСКОЙ СТѢНОЙ“*. — 27-го: *„ТРИЛЬБИ“*.—29-го: *„ИЗМАИЛЪ“*.—1-го Января: *„АННА КАРЕНИНА“*.

ЗИМНІЙ „БУФФЪ“.
Адмиралтейская набер., 4. * * Телефонъ № 19-58.
Сезонъ 1909—1910 гг.
ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ.
СОСТАВЪ ТРУППЫ (въ алфав. порядкѣ).
Женскій персоналъ: М. И. Антонова, Л. Е. Ветлужская, Е. В. Зброжекъ-Пашковская, А. Д. Каренина, Е. Л. Легатъ, Е. П. Маклакова, Н. В. Наташина, В. И. Піонтковская, М. П. Рахманова, О. К. Рейская, С. Л. Свѣтлова, Н. И. Тамара, В. Г. Торская, А. В. Федорова.
Мужской персоналъ: А. З. Вураковскій, М. С. Дальскій, А. П. Дмитріевъ, И. В. Звягинцевъ, Н. И. Крамской, М. Д. Клодницкій, И. И. Коржевскій, А. М. Любинъ, В. М. Майскій, Н. И. Мартыненко, Л. Г. Мираевъ, А. С. Полонскій, Н. Г. Радовъ, В. Я. Радомскій, І. Д. Рутковскій, Н. Г. Сѣверскій, М. М. Шуваловъ.
Главный капельмейстеръ *В. І. Шпачекъ*. Главный режиссеръ *А. С. Полонскій*.
Режиссеръ В. М. Пивоваровъ. Балетмейстеръ Ф. О. Жабчинскій. Капельмейстеръ Л. П. Шиловъ.
Уполном. дирекціи *Л. Л. Пальмейй*.

Театръ „НЕВСКІЙ ФАРСЪ“.
Невскій, 56. Г. Г. ЕЛИСѢЕВА. Телефонъ 318—27.
Дирекція ВАЛЕНТИНЫ ЛИНЪ.
ПРАЗДНИЧНЫЙ РЕПЕРТУАРЪ дневныхъ и вечернихъ спектаклей по 4-е Января 1910 года.
Цѣны мѣстамъ на дневные спектакли болѣе чѣмъ на половину уменьшены. Для Гг. учащихся высш. уч. зав. на дневные спектакли по *50* коп. на своб. мѣста. На вечерніе спект. только для Гг. студентовъ по *1* р. пер. спект. (Кромѣ 26-го, 27-го Декабря, 1-го и 3-го Января).
ДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ 26, 27 Декабря 1909 г. Начало въ 1½ час. дня.
Суббота, 26-го Декабря: 1) *Реваншъ борца*; 2) *Дитя знойной Африки*. Воскресенье, 27-го Декабря: 1) *Реваншъ борца*; 2) *Скандалъ въ Монте-Карло*.
ВЕЧЕРНІЕ СПЕКТАКЛИ. Суббота, 26-го Декабря: 1) *Абсолютный нуль*; 2) *Теодоръ и К°*. 27-го: 1) *Лихой сердцѣдъ*; 2) *Теодоръ и К°*. 28-го: 1) *Мужъ соловей*; 2) *Теодоръ и К°*. 29-го: 1) *Теодоръ и К°*; 2) *Веселый Петербургъ*. 30: 1) *Лихой сердцѣдъ*; 2) *Теодоръ и К°*. 31-го: 1) *Теодоръ и К°*; 2) *Веселый Петербургъ*. 1-го Января 1910 г.: 1) *Лихой сердцѣдъ*; 2) *Теодоръ и К°*. 2-го: 1) *Теодоръ и К°*; 2) *Веселый Петербургъ*. 3-го: 1) *Абсолютный нуль*; 2) *Теодоръ и К°*. 4-го: 1) *Дитя знойной Африки*; 2) *Теодоръ и К°*; 3) *Веселый Петербургъ*. Начало вечерн. спектаклей въ 8¼ час.
Открыта продажа билетовъ на всѣ спектакли. Касса открыта съ 11-ти час. утра.
Валентина Линъ. Администраторъ *Л. А. Леонтьевъ*.
Всѣ новинки „Невскаго Фарса“ можно получить только у Л. А. Леонтьева, Спб. Невскій Фарсъ.

26-го Декабря 1909 года. Открытіе спектаклей ТЕАТРА
СКАЗКА
ДИРЕКЦІЯ З. В. ХОЛМСКОЙ.
Новое театральное помѣщеніе въ домѣ Н. Н. ШЕВЕКО. Галерная, 33.
Одна минута разстоянія отъ Сената, **пять** минутъ отъ Б. Морской, **пять** минутъ отъ Невскаго пр., **пять** минутъ отъ Васильевскаго остр. Въ двухъ шагахъ остановка четырехъ маршрутовъ трамвая **№№ 4, 5, 7, 8.**
26-го Декабря ОТКРЫТІЕ СПЕКТАКЛЕЙ
26, 27, 28, 29 и 30 декабря 1909 года:
„Принцесса и свинопасъ“, сказка Андерсена. **„Ванделинъ“**, весенняя сказка М. А. Лохвицкой (Жиборъ).
„Сказка“, Андрея Нѣмоевскаго. * **Андерсенъ, М. Лохвицкая, Теффи и др.**
Режиссеръ Баронъ УНГЕРНЪ. *Художникъ Б. Д. БУХАРОВЪ.*
Открыта продажа билетовъ въ театр. Центральной кассѣ (Невскій, 23) и въ театрѣ „Сказка“.
Администраторъ Арт. Имп. театровъ **Ф. ИЗРАИЛЕВЪ.**

Отъ конторы:

Первый номеръ за 1910 годъ выйдетъ 3-го Января.

Открыта подписка на 1910 годъ на

„ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО“

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

52 №№ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала (около 1000 иллюстрацій). **12** ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ КНИГЪ „Библіотеки Театра и Искусства“: около **20** новыхъ репертуарныхъ **пьесъ**, беллетристика, научно-популярныя статьи, отдѣлъ **„Эстрада“**— сборникъ стихотвореній, разсказовъ, монологовъ и т. д., пригодныхъ для чтенія съ эстрады.

Въ книжкахъ „Библіотеки“ будетъ напечатано нѣсколько капитальныхъ сочиненій по теоріи и практикѣ театра. Изъ новыхъ пьесъ имѣются въ распоряженіи редакціи произведенія **Е. Н. Чирикова, Виктора Рышкова, І. І. Колышко, А. Н. Будищева, А. Ѳедорова, Бернарда Шоу** и др. Отдѣлъ „Эстрады“ будетъ пополняться, по преимуществу, новымъ матеріаломъ.

Подписная цѣна на годъ 7 р.

Главная контора—С.-Петербургъ, Вознесенскій, 4. Телефонъ 16-69.

Для телеграммъ: Петербургъ—Театръ Искусство.

Допускается разсрочка **3** р. при подпискѣ, **2** р.—къ 1 апрѣля и **2** р. къ 1 іюня. За границу **10** р.

Отдѣльные №№ по 20 копѣекъ—Объявленіе 40 копѣекъ строка петита (въ 1/3 страницы) позади текста, 70 коп.— передъ текстомъ.

На полгода 4 р. (съ 1 января по 1-е іюля). За границу 6 р.

Театральный КЛУБЪ.

Литейный пр., 42.

„КРИВОЕ ЗЕРКАЛО“

З. В. Холмской.

НОВАЯ ПРОГРАММА:

„Многострадальная“, „Роза и Василекъ“, „Великое открытіе“, „Граеграе-воропае“ и пр.

Цѣны мѣстъ отъ 1 р. 20 к. до 4 р. 20 к. Билеты продаются въ кассѣ Клуба отъ 12 ч. дня.

Начало въ 8¾ час.

26 и 27 Декабря—утренніе спектакли по значительно уменьшеннымъ цѣнамъ.

Режиссеръ баронъ **Р. УНГЕРНЪ.**

М-me АЛЕКСАНДРИНЪ

(ШОБЕРЪ).

Баскова ул., **8.** Телеф. 51-43.

СТАРИННАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ФИРМА

ДАМСКИХЪ НАРЯДОВЪ.

Элегантное и скорое исполненіе. Цѣны умѣренныя.

АРТИСТКАМЪ СКИДКА.

Иногор. заказы высылаются наложенн. платежемъ. 28—6

ЦАПЪ-ЦАРАПЪ.

(Искатели счастья).

Ком.-шутка въ 3 дѣйств. **С. Сабурова.**

(м. 8, ж. 7) ц. 2 р. II-ое изданіе.

Контора журнала „Театръ и Искусство“.

***ОБОЗРѢНІЕ...** С. Трефилова.

Слѣдуетъ названіе города, гдѣ пьеса исполняется. Много пѣнія, куплетовъ, комич. элем. Ц. съ нотами для скрип. 2 р. Разр. без. № 193 с. г. Контора „Т. и И.“

ВСЕ ДЛЯ СЦЕНЫ!

Первое на Югѣ Россіи Художественно-декоративное ателье **М. Б. Басовскаго.**

Одесса. Ришельевская, 68. **Контора: Греческая, 7.**

Изготовляетъ немедленно и по самымъ доступнымъ цѣнамъ: декорацію, обстановку, бутафорію, полное оборудованіе сцены по послѣднему слову театральной техники.

Особо дешевыя смѣты для народныхъ театровъ, клубовъ и аудиторій.

При требованіи смѣтъ, просимъ высылать подробный размѣръ сцены.

ВЫРѢЗАЙТЕ НА ПАМЯТЬ — ПРИГОДИТСЯ!

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ

сценическаго самообразованія

Томъ 1-й **МИМИКА** (232 рис., 222 стр.). Цѣна 2 руб.

Томъ 2-й **ГРИМЪ** (200 рис., 303 стр.). Цѣна 2 руб.

Томъ 3-й **ИСКУССТВО ДЕКЛАМАЦІИ.** (66 рис., 367 стр.). Цѣна 2 руб.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

Томъ 4-й **КОСТЮМЪ.** Свыше 500 рис. Цѣна по подпискѣ, до выхода въ свѣтъ, 3 руб., съ пересылкой 3 р. 21 к.

Государственная Театральная БИБЛИОТЕКА имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

Театръ и искусство.

№ 52. — 1909 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

Реформа театр. законодательства на Западѣ.—Замѣтка.—Хроника.—Два юбилея. (Оконч.). *В. Каратыгина.*—Изъ жизни и литературы. *Н. Неторева.*—Въ одну Рождественскую ночь. *А. Долинова.*—Слава. *О. Дымова.*—Замѣтки. *Nota novus*—Письма въ редакцію.—Маленькая хроника. — По провинціи.—Письма изъ Казани. *В. С.*—Провинціальная Лѣтопись. — Объявленія.—Оглавленіе журнала за 1909 г.

Рисунки и портреты: В. Г. Эренбергъ, † Д. П. Дара-Владиміровъ, банкетъ по случаю 50-лѣтія Русск. Муз. Общ.—„Анатэма“ (3 рис.), А. И. Долиновъ, „Въ странѣ любви“ (3 рис.), „Графъ Люксембургскій“, и „Кривое Зеркало“ (2 рис.).

С.-Петербургъ, 27-го декабря 1909 года.

Наши западные сосѣди серьезно заняты въ настоящее время реформою театральнаго законодательства. Въ Австріи сейчасъ работаетъ такъ называемая „анкетная“ коммисія рейхсрата, которой поручено разсмотрѣніе всѣхъ вопросовъ, касающихся театральнаго быта. Коммисія составила нѣсколько таблицъ съ опросными пунктами, и разослала ихъ по всѣмъ театрамъ, театральнымъ обществамъ, союзамъ и пр. Одновременно возникъ вопросъ о реформѣ театральнаго права въ Германіи. Прусское министерство внутреннихъ дѣлъ обратилось недавно къ различнымъ корпораціямъ сценическихъ дѣятелей съ предложеніемъ изложить свои пожеланія, которыя могли бы быть приняты во вниманіе при выработкѣ имперскаго закона о театральныхъ предпріятіяхъ. На призывъ живо откликнулись союзы сценическихъ дѣятелей. Но такъ какъ они состоятъ, главнымъ образомъ, изъ актеровъ, то высказанныя ими desiderata, по мнѣнію нѣкоторыхъ нѣмецкихъ театральныхъ органовъ, односторонни и обходятъ интересы антрепренеровъ. (См., напримѣръ, „Die Schaubühne“, отъ 30 декабря).

По существу, впрочемъ, требованія актеровъ нельзя считать преувеличенными, и они, въ общемъ, не далеко уходятъ отъ требованій и условій нашего, такъ называемаго, нормальнаго контракта: продолжительность репетиціоннаго времени, опредѣленіе срока для разучиванія ролей, право на полученіе жалованья въ случаѣ болѣзни и т. п. И если въ настоящее время кипитъ „вражда-война“ между актерами и предпринимателями, то не столько по существу предъявленныхъ актерами, сколько относительно установленія особаго порядка надзора за театрами. Дѣло въ томъ, что германскіе актеры ходатайствуютъ объ учрежденіи особой театральной инспекціи. Въ § 38 германскаго устава о промышленности центральнымъ властямъ предоставляется право надзора за дѣятельностью посредниковъ по предоставленію какихъ-бы то ни было мѣстъ и должностей. Подъ этотъ параграфъ подведена въ настоящее время дѣятельность театральныхъ агентовъ, и подъ дѣйствіе этой-же статьи, кромѣ театральныхъ агентовъ, собираются подвести и театральныхъ предпринимателей. Такимъ образомъ вся театральная жизнь въ Германіи становится въ зависимость отъ административнаго или вѣрнѣе, полицейскаго усмотрѣнія.

Само собою понятно, что буржуазные круги всполошились. Союзъ нѣмецкихъ театральныхъ предпринимателей, играющій въ театральной жизни Германіи большую роль и пользующійся значительнымъ вліяніемъ, заявилъ протестъ. Можно быть увѣреннымъ, что выступить съ закономъ, направленнымъ противъ этого союза, прусское правительство не рѣшится. И въ руководящихъ кругахъ высказывается мысль, что выработка закона о театральнымъ предпріятіяхъ не относится къ компетенціи имперскаго законодательства и что урегулированіе отношеній актеровъ и антрепренеровъ можетъ быть проведено другимъ путемъ.

Нельзя не согласиться, что учрежденіе такой театральной инспекціи, дѣйствительно, противорѣчитъ всѣмъ понятіямъ либеральнаго общества. Достаточно указать на то, что къ компетенціи инспекціи относится утвержденіе всѣхъ договоровъ, всѣхъ штрафовъ, и что всякое отступленіе отъ пунктовъ нормальнаго договора со стороны антрепренера карается штрафами, по усмотрѣнію инспекціи.

Указанный выше органъ „Schaubühne“, отражающій взгляды либеральныхъ круговъ германскаго общества, находя требованія актеровъ односторонними и нарушающими интересы цѣлаго, пишетъ: „Административная власть въ Германіи до сихъ поръ оказала не мало услугъ нѣмецкимъ актерамъ. Такъ, въ обезпеченіе театральнаго предпріятія полиція крупныхъ городовъ всегда требуетъ отъ антрепренеровъ залоговъ и старается оказывать поддержку справедливымъ требованіямъ актеровъ. Но ставить театръ всецѣло подъ опеку полицейскихъ властей, приравнивая его къ коммерческому предпріятію, совершенно невозможная вещь. Въ такомъ случаѣ все зависѣло-бы отъ взглядовъ власти въ данномъ городѣ на театры и отъ симпатіи ея къ антрепренеру или къ актеру. Если начальникъ мѣстной полиціи пожелаетъ по тѣмъ или инымъ причинамъ оказать протекцію актерамъ, онъ можетъ издать постановленія явно убыточныя для антрепренера, и тотъ будетъ обязанъ имъ подчиниться. И наоборотъ, если предприниматель сумѣетъ склонить его на свою сторону, положеніе нѣмецкаго актера станетъ еще болѣе безправнымъ, чѣмъ въ настоящее время“.

Мысль, родившаяся у актеровъ, относительно учрежденія театральной инспекціи ясно указываетъ на рѣзко-классовый характеръ отношенія между предпринимателями и актерами. Она продиктована упрощенно-соціалистическими теоріями и, точно, къ деликатному организму искусства какъ будто не совсѣмъ подходитъ. Для насъ поучительна эта буря въ германскомъ сценическомъ мірѣ особенно въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ щепетильно относятся къ „надзору и контролю“ свободомыслящіе, буржуазные круги. А вспомнимъ, съ какою легкостью у насъ готовы были принять „надзоръ м контроль“ въ уставѣ Театральнаго Общества, впрочемъ, такъ и оставшіеся на бумагѣ!

Одинъ изъ авторовъ прислалъ намъ слѣдующее письмецо: „Долженъ я былъ побывать въ Александринскомъ театрѣ на представленіи своей пьесы. Обратился къ одному, къ другому чиновнику, до самого Крупенскаго дошелъ—не дали. Г. Крупенскій сказалъ: „мы только актерамъ даемъ контрамарки, а авторамъ не полагается“. А былъ театръ пустъ наполовину. Вспоминается разсказъ И. Л. Щеглова о томъ, какъ авторъ, въ вечеръ перваго представленія своей пьесы мокнулъ подъ дождемъ у подъѣзда театра. Таковы наши обстоятельства, г. редакторъ!“

Обстоятельства неважныя, что и говорить. Но виноваты во всемъ кругомъ авторы. Мы приводили въ

прошломъ № рѣзкій отзывъ Л. Андреева, по поводу случая съ „Анфисой“. Но—нескромный вопросъ—развѣ порядки „казеннаго дома“ не бросались въ глаза Л. Андрееву раньше, что онъ сдѣлалъ внезапно такое открытіе?

Авторы имѣютъ полную возможность принудить гг. Крупенскихъ и Теляковскихъ измѣнить свое отношеніе. Для этого достаточно объединиться и поставить ультиматумъ. А что мы видимъ въ дѣйствительности? Забѣганіе гг. авторовъ съ „задняго крыльца“, хлопоты о томъ, какъ-бы пристроить пьесу, просьбы объ авансикахъ и пр. Плоды этого самоуниженія авторы и пожинаютъ, и развалясь въ креслѣ, театральный чиновникъ даетъ имъ это чувствовать. Совершенно въ такомъ же положеніи находится и печать. И когда совершается актъ опредѣленно оскорбительный вродѣ того, что позволили себѣ съ художниками нашего журнала, реагируетъ-ли печать на попраніе ея достоинства? Когда г. Теляковскій объявляетъ г. Гнѣдича чѣмъ-то вродѣ коллежскаго регистратора, подлежащаго увольненію по 3 пункту, не бѣжитъ-ли пѣтушкомъ за казеннымъ хлѣбомъ алчущее брюхо почтеннаго профессора?

Все это факты, и какъ себя держатъ по отношенію къ казенному дому гг. литераторы, такъ онъ и отвѣчаетъ имъ. Они-бы могли подчинить его себѣ, а предпочитаютъ лежать въ пыли.

Какъ сообщаютъ „конфиденціально“ московскія газеты, труппа московскаго Малаго театра чествовала кн. А. И. Сумбатова, который былъ „такъ подавленъ“ исторіею съ „Анфисою“, что намѣревался уйти. И напрасно не ушелъ. Его „уговорили“ товарищи остаться, но вѣдь это все равно ни къ чему не приведетъ, и онъ долженъ будетъ уйти, если не совсѣмъ равнодушенъ къ мнѣнію литературныхъ круговъ. И лучше раньше, чѣмъ поздно. Разрывъ между независимою литературою и канцеляріею долженъ совершиться. Нельзя сблизить полярности. И надобно желать одного: чтобы сознаніе этой невозможности избавило авторовъ и, вообще, литературу отъ дальнѣйшихъ обидъ, ложныхъ шаговъ и фальшивыхъ положеній.

Обращаемъ вниманіе читателей на письмо актера г. Муратова. Вопросъ, возбуждаемый его письмомъ, крайне серьезенъ. Театръ на Офицерской — какое-то проклятое мѣсто. Опытъ „устраненія“ изъ репертуара актеровъ сдѣлала впервые наша симпатичная В. Ф. Коммисаржевская. Теперь тоже самое дѣлаетъ новый директоръ этого театра г. Левантъ. Пожалуй, замѣчательнѣе всего, что такое отношеніе къ работѣ, самолюбію и достоинству актера происходитъ въ „художественныхъ“ предпріятіяхъ — по крайней мѣрѣ, по титулу и названію. Еще замѣчательно, что „контрассигнируютъ“ такой хозяйскій произволъ „отвѣтственные“ режиссеры съ именами: въ памятный сезонъ В. Ф. Коммисаржевской—г. Мейерхольдъ, а нынѣ, въ эпоху г. Леванта,—А. А. Санинъ.

Мы посвятимъ этому очень любопытному вопросу статью въ ближайшемъ номерѣ. Конечно, возможно, что имѣются факты, намъ неизвѣстные. Тогда г. Леванту слѣдовало бы отозваться и, во всякомъ случаѣ, не уклоняться отъ третейскаго разсмотрѣнія дѣла.

ХРОНИКА.

Слухи и вѣсти.

— Артистъ театра Муз.-Худож. Общества г. Шмидгофъ въ товариществѣ съ артистомъ театра Корша г. Горяиновымъ снялъ на три года театры кавказскихъ группъ, т. е. Эссентуки, Желѣзноводскъ, Пятигорскъ, гдѣ въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ у нихъ будутъ играть оперная, драматическая и опереточная труппы. Для оперныхъ спектаклей приглашается товарищество петербургскихъ оперныхъ артистовъ.

— Въ этотъ свой пріѣздъ въ Петербургъ московскій Художественный театръ везетъ „Мѣсяцъ въ деревнѣ“, „На всякаго мудреца“ и „Царь Ѳедоръ Іоанновичъ“. Относительно „Анатэмы“ вопросъ еще окончательно не рѣшенъ.

— Въ „Школѣ Сценическаго Искусства“ состоялся на-дняхъ экзаменъ по классу С. И. Яковлева (декламація). Преподавательскій персоналъ пополненъ новыми лекторами. Приглашены приватъ-доцентъ Гребенкинъ (психологія) и Н. Н. Долговъ (исторія театра).

— На пость Валентина Линъ со своей труппой уѣзжаетъ въ Тифлисъ, Баку и Батумъ, гдѣ дастъ рядъ гастрольныхъ спектаклей. Театръ же „Невскій Фарсъ“ передала Л. А. Леонтьеву для постановки опереточныхъ спектаклей. Г. Леонтьевъ намѣренъ ставить опереточные спектакли съ гастролерами. Для открытія пойдетъ очень интересная оригинальная оперетта „Въ тискахъ любви“.

— Около Майкопа оказались нефтеносныя земли. Заявки идутъ бѣшеныя. Однимъ изъ виднѣйшихъ заявителей является теноръ Собиновъ.

— На-дняхъ ученики и ученицы драматическихъ классовъ Императорскаго театральнаго училища во главѣ съ лекторомъ училища, г. Голованемъ совершатъ образовательную экскурсію въ Москву для осмотра достопримѣчательностей первопрестольной. Экскурсанты остановятся въ Москвѣ въ зданіи Московскаго Императорскаго театральнаго училища.

— Въ Парижѣ въ настоящее время даетъ спектакли русскій драматическій кружокъ. Намъ присланы двѣ афиши. Изъ одной мы узнаемъ, что въ „Залѣ Рекамье“ 11 декабря играли „Анфису“ подъ режиссерствомъ г. Побѣднаго. Играли Побѣдный, Горновъ, Гинкуловъ, Морской, Семеновъ, Дель-Перуджій и г-жи Комарова, Равичъ, Несторъ. На 8 января въ театрѣ „Фемина“ назначено представленіе „Снѣга“ Пшибышевскаго, въ исполненіи г-жъ Несторъ, Равичъ, гг. Эфрона и Морского. Думается, для русскаго кружка нашлись бы и русскія пьесы. Довольно дома переводовъ!

— Для открытія спектаклей въ новомъ театрѣ „Сказка“ (Галерная 33) идутъ три пьесы „Принцесса и свинопасъ“, пьеса, передѣланная изъ сказки Андерсена, „Вандэлинъ“, романтическая сказка (въ стилѣ „Принцессы Грезы“) покойной М. А. Лохвицкой и „Сказка“ Нѣмоевскаго. Стиль—романтическій.

— Въ Петербургѣ въ настоящее время находится одинъ изъ представителей болгарскаго національнаго театра въ Софіи, г. Ангеловъ. Цѣль его пріѣзда—приглашеніе русскаго режиссера (такъ какъ въ болгарскихъ, очевидно, ощущается недостатокъ). Г. Ангеловъ сдѣлалъ предложеніе П. П. Карпову, на жалованье въ 10.000 фр. въ годъ. Но Е. П. Карповъ, ссылаясь на незнаніе болгарскаго языка, отказался. Тѣмъ не менѣе въ Софійскомъ театрѣ весной состоится постановка одной изъ пьесъ Е. П. Карпова, которую онъ будетъ самъ ставить, и болгарскіе актеры надѣются уговорить его принять на себя завѣдываніе театромъ. По нашему мнѣнію, русскіе режиссеры напрасно такъ пренебрегаютъ болгарскимъ театромъ. Русскій режиссеръ могъ бы пріобщить къ русскому театру славянскія земли, а это не шутка.

— Артистка театра Литерат.-Худож. Общества г-жа Вадимова серьезно заболѣла и на-дняхъ по предписанію врачей уѣзжаетъ въ Швейцарію, въ Давосъ.

— Въ „Новомъ драматич. театрѣ“ въ распредѣленіи ролей въ „Анатэмѣ“ произошла перемѣна—роль Давида Лейзера играетъ теперь Я. С. Тинскій. Въ труппу на роли П. В. Самойлова вступилъ г. Діевскій.

— Сообщеніе о томъ, что Екатерининскій театръ сданъ на постъ опереточному актеру г. Августову невѣренъ; театръ остается въ рукахъ его законнаго владѣльца С. В. Брагина.

* * *

Московскія вѣсти.

— Г. Марджановъ ушелъ отъ Незлобина. Нелады шли уже давно. Съ одной стороны были недовольны артисты, которыхъ давила режиссерщина. Съ другой—дѣло не шло никакъ. Сборы доходили до 18 руб. Толчкомъ къ разрыву послужили „Черныя маски“, постановкой которыхъ остался очень недоволенъ Незлобинъ. Въ итогѣ—разрывъ. Отказался самъ Марджановъ, у котораго былъ контрактъ на три года. Въ Москвѣ много говорятъ о „перемѣнѣ минстерства“. Кстати, сообщаютъ и о „перемѣнѣ министерства“ у г. Дувана-Торцова и объ уходѣ Н. А. Попова.

— Предполагавшееся возобновленіе съ 26-го декабря спектаклей въ Интимномъ театрѣ не состоится.

— С. Ѳ. Сабуровъ на спектакляхъ японской артистки Ганако понесъ убытокъ.

* * *

† **С. Я. Глинская-Деденева.** 20 декабря въ г. Бобруйскѣ скончалась Софія Яковлевна Глинская, по мужу Деденева. Покойная начала свою артистическую дѣятельность въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ г. Ельцѣ въ антрепризѣ покойнаго ея мужа.

Получивъ довольно крупное наслѣдство послѣ смерти мужа С. Я. пробовала сама антрепренерствовать, но, къ сожалѣнію неудачно.

Впослѣдствіи С. Я. служила во многихъ провинціальныхъ городахъ и закончила свою жизнь служа въ текущій зимній сезонъ въ Бобруйскѣ.

* * *

† **В. Ф. Николаевъ**. 19 декабря скоропостижно скончался артистъ театра Корша Владиміръ Федоровичъ Николаевъ, служившій у Корша въ продолженіе шести лѣтъ на вторыхъ роляхъ. Послѣдніе дни г. Николаевъ не посѣщалъ репетицій, а наканунѣ не явился на спектакль. Такъ какъ В. Ф. былъ всегда въ высшей степени аккуратнымъ человѣкомъ, — его отсутствіе встревожило артистовъ. Послали служащаго изъ театра справиться, въ чемъ дѣло.

„Они пьяны, лежатъ на кровати и разговариваютъ", сказалъ служащій.

А черезъ часъ изъ номеровъ „Бристоль", гдѣ жилъ покойный, дали знать въ театръ, что В. Ф. скоропостижно скончался. Есть предположеніе, что смерть произошла отъ отравленія. Покойный былъ несчастливъ въ семейной жизни, и еще двѣ недѣли тому назадъ отъ него слышали, что онъ отравится. Нѣсколько времени тому назадъ В. Ф. Николаевъ развелся съ женой. Это такъ на него подѣйствовало, что онъ началъ прибѣгать къ кокаину. Явилась ли смерть результатомъ постепеннаго отравленія, или покойный намѣренно принялъ слишкомъ большую дозу кокаина—неизвѣстно.

Сослуживцы покойнаго глубоко поражены его смертью.

В. Ф. Николаевъ былъ очень честный и симпатичный человѣкъ, добрый и отзывчивый товарищъ. Покойному было 40 лѣтъ.

* * *

По поводу кончины Д. П. Дара-Владимірова сообщаю дополнительныя біографическія данныя. Грекъ по рожденіи, уроженецъ Ростова, сынъ милліонера, покойный росъ при условіяхъ, исключавшихъ, казалось бы, возможность когда-либо попасть на артистическія подмостки. Отецъ его владѣлъ въ Ростовѣ, въ центрѣ города, громаднымъ домомъ и садомъ при немъ. Въ саду цвѣтники, фонтаны, оранжереи, гимнастика и пр. Какъ домъ, такъ и садъ, служили только для семьи Дара. Всѣ дѣти семьи получили домашнее образованіе. Домъ былъ переполненъ гувернерами и гувернантками. Разговорнымъ языкомъ въ семьѣ былъ французскій. Подоспѣла турецкая война, старикъ Дара, увлекшійся подрядами, разорился, разбрелась семья. Домъ перешелъ въ собственность къ доктору Ткачеву (послѣдній послѣ смерти завѣщалъ таковой городу). Покойный Е. Б. Любовъ только что начиналъ свою антрепренерскую дѣятельность, снявъ этотъ садъ, построилъ тамъ лѣтній театръ, ресторанъ, открытую сцену. Послѣ Любова, перекочевавшаго въ Житоміръ, театръ въ этомъ году арендовалъ В. Н. Викторовъ. И вотъ въ этомъ саду, въ труппѣ Викторова, премьеромъ служилъ молодой, изящный, по виду болѣзненный премьеръ Дара-Владимировъ. Пришлось ему играть въ томъ саду, гдѣ ребенкомъ онъ, какъ сынъ владѣльца, игралъ въ мячъ. Въ томъ сезонѣ впервые появилась пьеса „Трильби" и въ первый разъ я увидѣлъ его въ роли Свенгали. Онъ захватилъ меня нервностью исполненія этой трудной роли. Онъ сталъ любимцемъ публики. Послѣ этого, слѣдя за его дѣятельностью, я его имя встрѣчалъ во главѣ многихъ труппъ лучшихъ театральныхъ городовъ Россіи. Среди товарищей онъ пользовался именемъ честнѣйшаго человѣка.

Умеръ онъ 40 лѣтъ.

Братъ покойнаго (младшій) тоже актеръ, играетъ подъ фамиліей Дара-Вельскій. Прошлымъ лѣтомъ онъ былъ компаньономъ Ростовцева по арендѣ Новопоселенскаго (сгорѣвшаго) театра, теперь стоитъ во главѣ небольшого товарищества, играющаго въ мѣстечкѣ Енакіево. *Б. Камневъ.*

* * *

По случаю 50-лѣтія Импер. Русскаго Музыкальнаго Общества состоялся рядъ юбилейныхъ торжествъ.

18 декабря въ Маріинскомъ театрѣ юбилейный спектакль былъ посвященъ исключительно произведеніямъ покойныхъ дѣятелей музыкальнаго общества и консерваторіи. Были поставлены отрывки изъ операъ „Снѣгурочка" Римскаго-Корсакова, „Евгеній Онѣгинъ" Чайковскаго, „Демонъ" Рубинштейна и одноактный балетъ „Египетскія ночи" Аренскаго.

Затѣмъ въ большомъ залѣ консерваторіи состоялись юбилейные концерты.

По окончаніи симфоніи была устроена овація любимому директору консерваторіи, причемъ депутація художественнаго совѣта, въ лицѣ профессоровъ г-жъ Есиповой, Раабъ, гг. Лядова, Габеля, Дубасова и Петрова торжественно вручила маститому директору дипломъ на званіе *свободнаго художника* въ уваженіе къ его исключительно выдающимся музыкальнымъ способностямъ, выказаннымъ имъ, какъ композиторомъ и педагогомъ.

Одновременно Глазуновъ получилъ два привѣтственныхъ адреса въ роскошныхъ папкахъ: „отъ благодарныхъ учащихся— глубокоуважаемому и любимому директору", а другой—„дорогому А. К. Глазунову отъ оркестра И. Р. М. О. Петербургскаго отдѣленія". Глазуновъ былъ центромъ овацій на протяженіи всего вечера.

21 декабря въ одномъ изъ ресторановъ состоялся банкетъ по случаю 50-лѣтняго юбилея Русскаго Музыкальнаго Общества. Собралось много артистовъ и музыкальныхъ дѣятелей какъ Петербурга, такъ Москвы и провинціи.

Среди участниковъ банкета: директоръ консерваторіи Глазуновъ, инспекторъ консерваторіи Габель, профессора: Лядовъ, Соловьевъ, Миклашевскій, Налбандьянъ, весь составъ мекленбургскаго квартета, профессоръ московской консерваторіи г-жа Лавровская, предсѣдатель кіевскаго музыкальнаго общества Виноградскій, директоръ кіевскаго музыкальнаго училища Пухальскій, профессоръ изъ Варшавы Барцевичъ, дирижеры: Кленовскій, Черепнинъ, Малько, директоръ музыкальнаго общества Вышнеградскій съ супругой, профес. Шимкевичъ, проф. Урбановичъ, артистки: г-жа Збруева, г-жа Забѣлло, артисты Чупрынниковъ, баритонъ Андреевъ, теноръ Андреевъ, представители музыкальныхъ фирмъ Беккеръ, Дидерихсъ, Шредеръ, Циммермана, учащіеся консерваторіи и т. д.

Нѣкоторые ораторы говорили о необходимости открыть въ Россіи еще одну консерваторію на югѣ, напримѣръ въ Кіевѣ.

* * *

Долиновъ, Анатолій Ивановичъ, 25-лѣтній юбилей сценической дѣятельности котораго исполняется 26 декабря, родился въ г. Одессѣ 69 г. и воспитывался въ мѣстной гимназіи. Въ 84 г. зимой въ Одессѣ гастролировалъ Ивановъ-Козельскій, и Д. не пропускалъ ни одного спектакля, а къ концу его гастролей ухитрился пристроиться въ статисты, причемъ самъ платилъ за очередь и костюмы. Въ 85 г. поступилъ окончательно на сцену въ г. Одессѣ въ антрепризѣ О. Ильиной. Первые уроки бралъ у покойнаго В. А. Андреева-Бурлака. Въ 86 г. служилъ въ Одессѣ-же въ Русскомъ театрѣ, въ антрепризѣ К. Г. Лелева-Вучетича. У него же служилъ въ 87 г. въ Кишиневѣ и въ 88 г. въ Елизаветградѣ. Первымъ окладомъ Д. было 15 руб. (въ первый годъ службы), но со второго-же мѣсяца получилъ прибавку, и къ концу сезона получалъ 40 руб. На второй годъ службы получалъ 60 руб. въ мѣсяцъ и игралъ уже недурныя роли. Весной 89 г. въ Одессу пріѣхало товарищество Н. Соловцова съ В. Н. Давыдовымъ и М. М. Глѣбовой—во главѣ, которое въ числѣ другихъ пьесъ поставило „Ревизора". Такъ какъ въ ихъ товариществѣ не хватило актеровъ, то Д. пригласили играть Бобчинскаго. Въ результатѣ Д. былъ приглашенъ на 125 руб. жалованья. Зимой 89 г. служилъ подъ режиссерствомъ Н. Соловцова въ Москвѣ въ театрѣ Абрамовой. Въ 90 г. служилъ въ Харьковѣ въ товариществѣ М. Бородая, а съ 91 по 96 г. (6 сез.) служилъ въ Кіевѣ у Соловцова. Весной 97 г. 25 апрѣля дебютировалъ на Императорской сценѣ (въ Михайловскомъ театрѣ) въ пьесахъ: „Бой бабочекъ" и „Фрицынька". Въ Кіевѣ, какъ и въ Петербургѣ, преподавалъ выразительное чтеніе и сценическое искусство. Многіе изъ учениковъ Д. находятся на сценѣ. Д. принималъ участіе въ спеціально-театральныхъ изданіяхъ, гдѣ помѣстилъ рядъ очерковъ о современномъ положеніи драматической сцены во Франціи, Германіи и Австріи. Перу Д. принадлежитъ переводъ Зудермановской трилогіи: „Morituri" „Афинянка-Лизистрата" и др. Въ 98 г. во время Великаго поста впервые устроилъ гастроли русской драматической труппы въ Берлинѣ и Прагѣ. Въ составъ труппы входили Императорскіе артисты, съ М. Г. Савиной во главѣ, Ф. П. Горевъ, Р. Аполлонскій и др. За организацію поѣздки Д. удостоился подарка Германскаго Императора Вильгельма II. въ настоящее время состоитъ однимъ изъ режиссеровъ Александринскаго театра. Амплуа Д.—фатъ и jeune comique.

* * *

Намъ пишутъ изъ **Москвы:** Блестящія дѣла дѣлаетъ Коршъ. „Сатана" и „Женщина-адвокатъ" идутъ при полныхъ сборахъ. Главнымъ режиссеромъ на будущій сезонъ остается г. Кригеръ; для постановки спектаклей, въ которыхъ г. Кригеръ занятъ, какъ актеръ, приглашенъ г. Загаровъ.

К. Н. Незлобинъ отказался отъ аренды Новаго театра на будущій годъ и намѣренъ строить свой театръ. „Черныя маски" сборовъ не дѣлаютъ.

* * *

4-ый концертъ Губермана. Даровитый артистъ пользуется у насъ солиднымъ успѣхомъ. Всѣ концерты его прошли при полномъ залѣ. Очевидно, онъ импонируетъ нашей публикѣ своей выдержанной игрой. Громадная техника, тонкое исполненіе деталей, темпераментъ слились у него съ прекрасно развитымъ музыкальнымъ вкусомъ. Послѣдній часто отсутствуетъ даже у первоклассныхъ скрипачей. Здѣсь наоборотъ: каждый номеръ программы свидѣтельствуетъ о серьезныхъ музыкальныхъ намѣреніяхъ исполнителя. На этотъ разъ выдѣлились G dur'ная соната Брамса и Souvenir Чайковскаго. Нечего говорить о многочисленныхъ бисахъ, слѣдовавшихъ послѣ концерта. Хорошій аккомпаніаторъ Шпильманъ не можетъ соперничать съ виртуозомъ, когда ему приходится играть соло на рояли. Исполненіе имъ шопеновскихъ вещей были довольно безжизненно. *В. С.*

* * *

Продолженіе Хроники на стр. 940.

В. Г. Эренбергъ, композиторъ „Вампуки".
(Къ 100-му представленію „Вампуки" въ „Кривомъ Зеркалѣ").

Два юбилея.

(*Окончаніе* *).

Въ широкой публикѣ Кюи извѣстенъ преимущественно какъ романсистъ. И надо сознаться, что въ данномъ случаѣ vox populi оказался на высотѣ своего, къ сожалѣнію, далеко не всегда божественнаго происхожденія. Въ области романса Кюи создалъ не мало прекрасныхъ вещей. Онъ умѣетъ строить гармонически интересные аккомпанименты, онъ тщательно слѣдитъ за декламаціей, онъ пишетъ удобно и вмѣстѣ съ тѣмъ благородно, какъ для рояля, такъ и для голоса. И тѣ миніатюрныя формы, въ которыя большею частью выливаются вдохновенія Кюи, какъ нельзя больше подходятъ къ романсу, этому наиболѣе интимному роду творчества. Однако, и въ области романса у Кюи наблюдается то же явленіе, какъ и во всей его музыкальной дѣятельности. Ранніе его романсы гораздо интереснѣе и содержательнѣе болѣе позднихъ. Среди первыхъ есть, напр., такая въ полномъ смыслѣ восхитительная и глубокая вещь, какъ «Менискъ». Поэтичны также «Въ колоколъ, мирно дремавшій», «Я васъ любилъ», «Они любили другъ друга» и многіе другіе. Среди болѣе позднихъ, въ особенности, новѣйшихъ романсовъ хорошія вещи попадаются лишь въ видѣ рѣдчайшихъ исключеній. Вездѣ по-прежнему соблюдена просодія стиха, но музыка какая-то безразличная, безличная, безцвѣтная. Въ чемъ же причина этого печальнаго паденія таланта? Вѣдь не въ одной же только «маститости» автора, потому что и Р.-Корсаковъ у насъ, и Вагнеръ въ Германіи, и многіе другіе композиторы, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, тѣмъ не менѣе шли впередъ, до самой смерти совершенствовались, развивались. Нѣтъ, Кюи отсталъ отъ современныхъ теченій и исканій въ области музыки и даже отсталъ отъ самого себя, какъ автора «Ратклифа» и «Анджело», отчасти по недостатку техники, въ области которой композиторъ всегда проявлялъ себя скорѣе, какъ способный ученикъ, чѣмъ законченный мастеръ; главнымъ же образомъ—благодаря замкнутости и инертности своего характера. «Кучка» воспитала Кюи, кучка вдохнула въ него интересъ къ «новаторству», кучка создала Кюи, какъ «радикальнаго» композитора. И стоило распасться этой alma mater Кюи, какъ реакція медленно, но вѣрно стала засасывать его въ свое спокойное, тихое болото...

Критическая дѣятельность Кюи имѣла значеніе едва-ли не большее, чѣмъ композиторская. Первая критическая статья Кюи появилась 8 марта 1864 г. въ «Спб. Вѣдомостяхъ» за подписью *** и сразу же обратила на себя вниманіе музыкальнаго міра блестящимъ изложеніемъ и яркостью мысли. Съ тѣхъ поръ Кюи въ теченіи долгихъ лѣтъ сотрудничалъ въ «Спб. Вѣдомостяхъ», «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Новомъ Времени», «Голосѣ», «Искусствѣ», «Недѣлѣ», «Музыкальномъ Обозрѣніи», «Гражданинѣ», «Артистѣ», «Новостяхъ»; писалъ также во многихъ заграничныхъ изданіяхъ, издалъ много отдѣльныхъ книгъ («La Musique en Russie», «Русскій романсъ»). Статьи Кюи, по вѣрному отзыву Стасова, «принесли не мало пользы дѣлу нашей новой музыкальной школы. Онѣ преслѣдовали регроградность и консерватизмъ, нерѣдко съ большой ѣдкостью разили отсталые вкусы нашей публики и ограниченныя понятія нашихъ тогдашнихъ критиковъ (въ томъ числѣ и Серова) и указывали на значеніе новой русской музыкальной школы. Эти статьи являлись выраженіемъ мыслей и понятій самой школы и всего болѣе главы ея, Балакирева». Главнымъ предметомъ нападокъ Кюи было только что основанное тогда (1859) А. Г. Рубинштейномъ «Русское Музыкальное Общество», въ которомъ «Балакиревцы» на первыхъ порахъ не видѣли ничего, кромѣ оплота музыкальной реакціи. Ближайшимъ поводомъ къ обостренію вражды послужила, между прочимъ, вѣрная по существу, но нѣсколько рѣзкая по формѣ статья Рубинштейна о «Музыкѣ въ Россіи» (1861 г.) въ которой говорилось, что «въ Россіи занимаются музыкой только любители». Представители «новой русской школы» обидѣлись и отвѣчали... такими же рѣзкостями (Стасовъ). Въ дальнѣйшемъ отношенія «кучкистовъ» къ «Русскому Музыкальному Обществу» и къ основанной тѣмъ же Рубинштейномъ Консерваторіи (1861 г.) еще болѣе ухудшились и осложнились. Въ 1862 г. Балакиревымъ и Ломакинымъ учреждена была «Безплатная Музыкальная школа», причемъ программы ея концертовъ въ противовѣсъ классическимъ программамъ Общества, посвящались почти исключительно произведеніямъ «Балакиревцевъ». Когда, вслѣдствіе недоразумѣній съ профессорами, Рубинштейнъ въ 1867 г. временно оставилъ Консерваторію и директоромъ ея былъ назначенъ Заремба, Балакиревъ былъ приглашенъ дирижеромъ симф. концертовъ Русскаго Муз. Общ., но скоро оказалось, что совмѣстная работа двухъ взаимно враждебно настроенныхъ силъ невозможна. Балакиревъ ушелъ изъ Русскаго Муз. Общества и съ новымъ жаромъ принялся за дѣла безплатной Музыкальной школы. Тѣмъ временемъ газетная и журнальная музыкально-литературная война разгоралась все сильнѣе и велась уже не на два, а на четыре фронта.

Кромѣ двухъ главныхъ силъ, «кучки» и консерваторіи

† Д. П. Дара-Владиміровъ.

*) См. №№ 49, 50 и 51.

въ ихъ борьбу вмѣшались Сѣровъ, превозносившій Вагнера, но поносившій и консерваторію и новую русскую школу, и группа крайнихъ реакціонеровъ, среди которыхъ былъ только одинъ человѣкъ, уважавшій и, если можно такъ выразиться, понимавшій, какъ надо понимать искусство, но, къ сожалѣнію, никогда не понимавшій самого искусства, это—Ларошъ.

Въ этой жестокой борьбѣ Кюи (наравнѣ со Стасовымъ) выступалъ главнымъ застрѣльщикомъ. И много, очень много вѣрныхъ по существу, но крайне преувеличенныхъ въ смыслѣ формы изложенія, мыслей высказалъ Кюи въ своихъ статьяхъ, особенно въ тѣхъ, которыя относятся къ раннему періоду его литературной дѣятельности. Даже въ самыхъ пристрастныхъ выходкахъ Кюи по адресу Рубинштейна и Чайковскаго, всегда были чрезвычайно цѣнныя и вѣрныя отдѣльныя замѣчанія, свидѣтельствовавшія о большой проницательности критика. Одинъ только разъ ошибся Кюи, но это была ошибка, страшная ошибка всей его натуры, конецъ всей его карьеры. Кюи споткнулся на Вагнерѣ, котораго абсолютно не понялъ и отвергъ. Впрочемъ, кто понималъ Вагнера 30—40 лѣтъ тому назадъ? Бѣда не въ томъ, что Кюи не понялъ Вагнера, а въ томъ, что онъ и донынѣ не понимаетъ этого величайшаго изъ драматическихъ композиторовъ новаго времени. Современный музыкантъ, если только онъ стремится къ дальнѣйшему прогрессу въ музыкѣ, не можетъ пройти мимо Вагнера, каждый передовой музыкантъ нынѣ долженъ пройти черезъ Вагнера, какъ и черезъ Баха, Моцарта и Бетховена. Кюи отказался отъ Вагнера, и этотъ отказъ символически обозначилъ собою точку на пути дальнѣйшаго музыкальнаго развитія композитора. И критическія сужденія Кюи, приблизительно съ конца 70-хъ гг., стали уже болѣе мягкими, болѣе уступчивыми... Результатомъ этой уступчивости и явилось событіе, которое, какъ бы ни относиться къ его ближайшимъ причинамъ, явилось, въ концѣ концовъ, весьма благодѣтельнымъ для русскаго искусства. Бородина и Мусоргскаго уже не было въ живыхъ. Балакиревъ удалился отъ музыкальныхъ дѣлъ. Р.-Корсаковъ давно уже профессорствовалъ въ Консерваторіи. Только Кюи оставался еще на положеніи одинокаго «кучкиста», давно, впрочемъ, забывшаго о «грѣхахъ» своей молодости. И вотъ въ 1897 г. Кюи становится предсѣдателемъ Петербургскаго Отд. И. Р. М. О. «Кончена битва», улажены всѣ счеты, всѣ недоразумѣнія. Да здравствуетъ свободное творчество, да здравствуетъ музыкальное образованіе. И все же почему-то жаль того далекаго прошлаго, когда наша музыкальная жизнь волновалась, «какъ море-океанъ», и когда великихъ музыкальныхъ произведеній создавалось, пожалуй, больше, чѣмъ теперь.

В. Каратыгинъ.

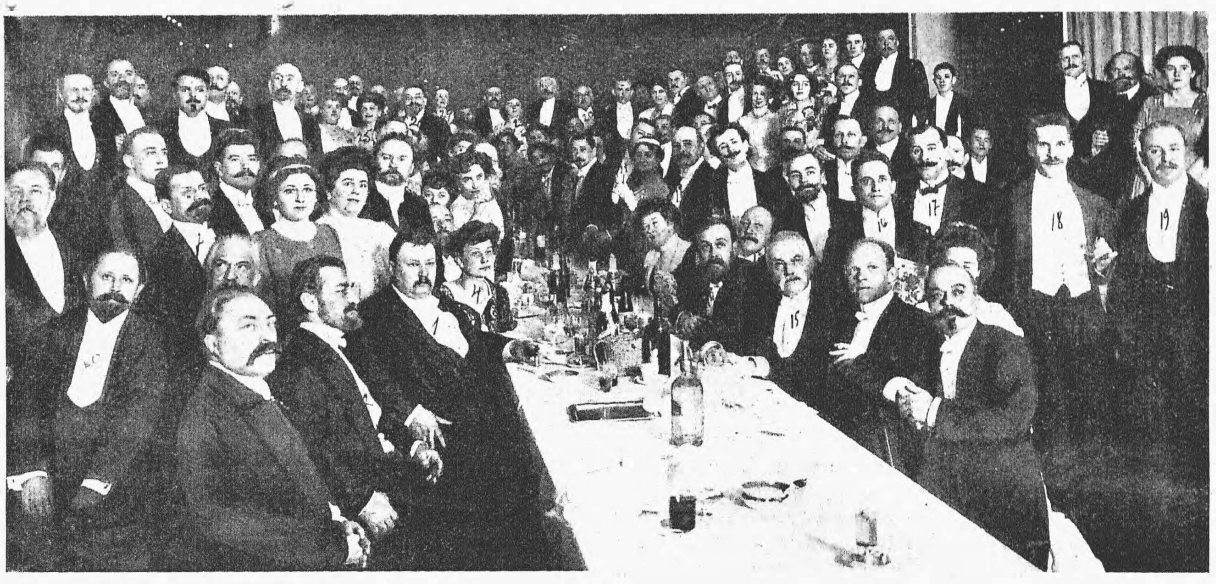
Изъ жизни и литературы.

Не лишенныя интереса воспоминанія П. М. Невѣжина объ А. Н. Островскомъ напечатаны въ «Ежегодникѣ И. Т.». Воспоминанія эти относятся къ послѣднему періоду жизни нашего славнаго драматурга, когда, по выраженію П. М. Невѣжина, Островскій, «утомленный борьбою съ чиновниками, затворился въ своей квартирѣ и по нѣсколько лѣтъ не посѣщалъ театровъ, которымъ посвятилъ свою жизнь». Познакомился г. Невѣжинъ съ Островскимъ, придя къ нему за совѣтомъ и сотрудничествомъ: написанная П. М. Невѣжинымъ пьеса была запрещена цензурою, но Островскому удалось такъ передѣлать пьесу, что ее пропустили. Для «спасенія» пьесы А. Н. Островскій прибѣгнулъ къ такому tour de force'у: «обратилъ мать въ сестру (!) отъ перваго брака—такимъ образомъ идея пьесы была убита». Но цензурныя приличія были удовлетворены. Заработокъ Островскаго былъ по истинѣ ничтоженъ.

«То было невыносимое—замѣчаетъ П. М. Невѣжинъ,—время для людей, связанныхъ работой съ театромъ. Довольно сказать, что комедія «Не въ свои сани не садись», не сходящая до сихъ поръ съ репертуара, взята была у автора дирекціей даромъ.

— Почему же даромъ?—спросилъ я.

— Дирекція ея не брала, а пришлось отдать въ бенефисъ, за бенефисныя же постановки не платилось. Теперь авторы получаютъ за пьесы тысячи, а я радъ радехонекъ, когда мнѣ за «Бѣдную невѣсту» заплатили пятьсотъ рублей, взявъ ее въ вѣчную собственность.



1) А. К. Глазуновъ Дир. Р. М. О., 2) Дирижеръ Кашпусъ, 3) Проф. Лапировъ, 4) Г-жа Вышнеградская, 5) Проф. Вержбиловичъ, 6) Проф. Сафоновъ, 7) Кальфати—композит., 9) Налбандьянъ—скрипачъ, 10) Погожевъ—композ., 11) Черепнинъ—композ., 12) И. В. Шимкевичъ, 13) А. И. Вышнеградскій, 14) Н. Д. Фингейзенъ, 15) Проф. С. И. Габель, 16) А. М. Миклашевскій профес., 17) Ф. В. Леженъ—аккомпаніаторъ, 18) Проф. Покровскій, 19) Клепинскій - дирижеръ, 20) Виноградскій—директ. Кіевск. Отд. Р. М. О., 21) Каргуевъ—проф., 22) Збруева—артистка Импер. театр., 23) Гладкая—артистка Импер. театр., 24) Жеребцова—артистка рус. оперы, 25) Залѣсская - піанистка, 26) И. М. Хворостовскій—муз. критикъ.

Банкетъ по случаю 50-лѣтія Русскаго Музыкальнаго Общества.

(Съ фот. І. Оцупъ).

При такомъ отношеніи начальства къ автору, можно себѣ представить, въ какомъ положеніи находились рессурсы тружениковъ. Провинціальные театры тогда авторамъ не платили ничего, а казенные жестоко притѣсняли. Были и тогда ловкачи, входившіе въ сдѣлку съ стоявшими у руля репертуара и ихъ пьесы ставились часто, тѣ же, у кого совѣсти не хватало поступать неблаговидно, бѣдствовали.

— Александръ Николаевичъ, отчего вы теперь никогда не бываете въ театрѣ?—обратился я къ нему.

— А что я тамъ буду дѣлать? Смотрѣть стряпню Крылова или переводы Тарновскаго? Да мнѣ, какъ обойденному, неловко смотрѣть на актеровъ. Я для театра чужой теперь. Просвѣтлѣетъ, разгонитъ шушеру, тогда и мы пойдемъ туда, гдѣ послужили дѣлу».

Когда А. Н. Островскій получилъ отъ Государя 3000 р. пенсіи, ликованію его друзей не было предѣловъ. Но самъ онъ былъ унылъ и сумраченъ.

«А. Н. было больно, что не заслуги дали ему вполнѣ заслуженную пенсію, а протекція. Его возмущало это потому, что въ нѣкоторыхъ западныхъ государствахъ смотрѣли на писателей, какъ на людей, служащихъ государству. Русскихъ же работниковъ участь была печальна. Въ маленькой Норвегіи литераторъ, проработавшій опредѣленное количество лѣтъ, получаетъ право на пенсію. Стортингъ только утверждаетъ назначеніе, а мы, огромное государство, такъ далеко въ этомъ случаѣ идемъ позади всѣхъ.»

Зарабатывалъ Островскій тысячи двѣ въ годъ не больше, а нынче наслѣдники получаютъ до 20.000 р. Островскаго, сколь это ни удивительно, просто «не признавали.» А то еще бывали актерскіе «капризы». Такъ съ пьесой «Сердце не камень» вышло слѣдующее:

«Артистка Ѳ., бывшая до того времени одной изъ самыхъ сговорчивыхъ актрисъ, получая 12 000 въ годъ жалованья, рѣзко измѣнилась и жестоко поступила съ авторомъ. Мало того, что она третировала роль на репетиціяхъ, а сыгравши ее три раза, совсѣмъ вышла изъ пьесы. Роль передали другой актрисѣ, но публика не признала такой замѣны, и пьеса, за отсутствіемъ сборовъ, снята была съ репертуара.

Когда я вскорѣ послѣ этого пришелъ къ Островскому, онъ сидѣлъ сумрачный и блѣдный.

— Кума-то, кума-то какова?... отказалась. Слишкомъ годъ работы и четыреста рублей.

Тутъ же пришелъ нѣкто и заявилъ:

— Вчера въ театрѣ «такой-то» и «такая-то» громко заявляли, что Дирекція права, не ставя пьесъ Островскаго. Мы выросли изъ нихъ.

А. Н. съ горечью улыбнулся и вскользь замѣтилъ:

— Какіе же они большіе».

Такъ страдалъ и боролся Островскій до конца дней, мечтая о созданіи «новыхъ людей съ повыми взглядами и новыми правилами».

Воспоминанія П. М. Невѣжина, правду сказать, довольно поверхностны. О міросозерцаніи, взглядахъ, творческомъ духѣ, темпераментѣ Островскаго можно судить лишь по догадкамъ и намекамъ. Но кое-что цѣнное для біографіи Островскаго—увы, будущей—можно найти въ этихъ воспоминаніяхъ.

У насъ уже цитировалась вышедшая на-дняхъ книга

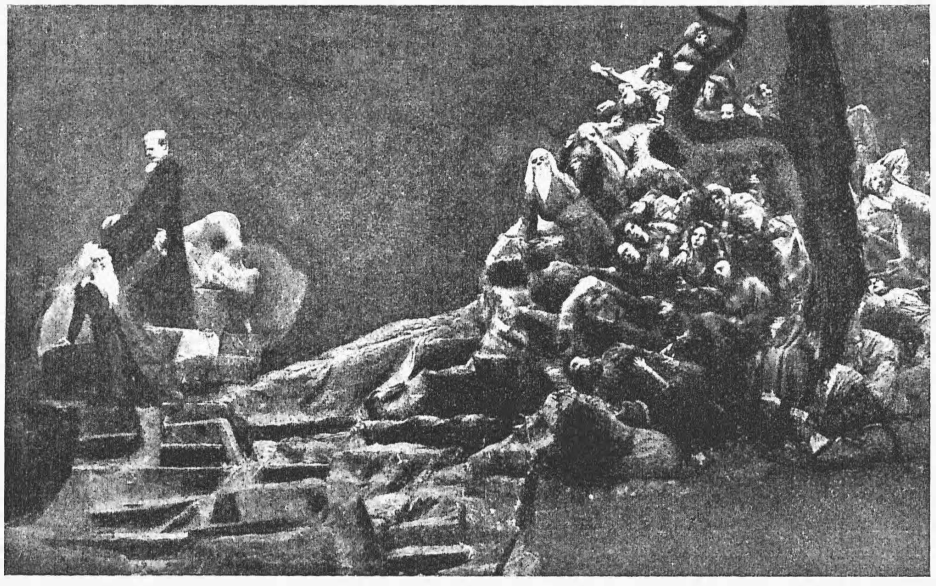
НОВЫЙ ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ.

Сура. Гдѣ ты была, Роза?
Роза. Меня не было, мама! Я родилась, мама!

„Анатэма", 2-я картина.

«Русское сценическое искусство за границей», заключающая матеріалы о поѣздкѣ М. Г. Савиной въ Берлинъ и Прагу. Около половины книги занято мемуарами знаменитой артистки, написанными частью въ формѣ дневника. Вообще, долженъ замѣтить, что мемуары артистовъ субъективны и импульсивны, какъ сами артисты. Исключенія рѣдки,—напримѣръ, мемуары Ристори въ тѣхъ частяхъ, гдѣ она трактуетъ о женскихъ типахъ и характерахъ, которые ей приходилось играть. Сила ея «критицизма», такъ сказать, и логики весьма значительны, и приходится удивляться, что сценическій геній такъ счастливо сочетался съ аналитическою способностью ума. Второе исключеніе—это воспоминанія—увы, недоконченныя—покойнаго П. М. Медвѣдева. У Медвѣдева, учившагося на мѣдныя деньги, былъ не только ясный и тонкій умъ, но и художественно-повѣствовательный даръ. Но даже не въ этомъ истинная причина интереса и привлекательности воспоминаній Медвѣдева, а въ чрезвычайной ихъ объективности, въ охватѣ картины цѣлой эпохи, въ пространствѣ которой самъ авторъ изображалъ себя не болѣе, какъ нитью Аріадны, формою интриги и изложенія. Обычно—и это вполнѣ, конечно, естественно—въ воспоминаніяхъ актеровъ и актрисъ слишкомъ много личнаго, и этотъ

НОВЫЙ ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ.



Анатэма. Встрѣть ихъ гордо. Правдою, правдою ударь ихъ, Давидъ.
Давидъ. Только не оставляйте меня, а то я опять забуду, гдѣ правда.
Толпа. Да-а-ви-идъ! Да-а-ви-идъ!

„Анатэма", 6-я картина. (Съ фот. Г. Перлъ).

избытокъ субъективности даетъ впечатлѣніе однообразія. Нужно быть настоящимъ поэтомъ, насквозь лирикомъ для того, чтобы поддерживать неослабный интересъ къ субъективнымъ изліяніямъ и признаніямъ. Актеры такъ поглощены собою, культомъ своего «я», что. такъ сказать, не замѣчаютъ «жизни быстро бѣгущей». Смотрятъ и не видятъ. Факты, событія, приливы и отливы политической, общественной и художественной жизни мелькаютъ мимо, словно «версты полосаты», не оставляя на нихъ глубокаго слѣда и не претворяясь въ объективные образы. Все «я» да «я». Актеръ несетъ себя, какъ драгоцѣнный сосудъ, боясь расплескать его содержаніе, но какъ-бы ни былъ онъ талантливъ, какъ-бы многогранна и искрометна ни была его геніальность,—жизнь интереснѣе его. Жизнь, какъ цѣлое; жизнь, какъ макрокосмосъ; жизнь, какъ атмосфера, въ которой все отражается, и которая, какъ небесный куполъ, объемлетъ міръ.

Мемуары нашей великой артистки не чужды общей слабости актерскихъ записокъ. М. Г. Савина сама признается, что за непосугомъ и страшной работой, «Берлина не видѣла». Она перевидала во время своихъ заграничныхъ тріумфовъ множество людей, очень интересныхъ, очень извѣстныхъ, разнаго круга и положенія, до германскаго императора включительно, но она не даетъ почти ни одной характеристики, ни одного портрета, ни одной картины. Все, что встрѣчалось, мелькало по сѣтчаткѣ глаза—и какого глаза! —какъ будто зрительныя впечатлѣнія не доходили до центральнаго мозга. Острый, блестящій умъ Савиной, ея геніальная наблюдательность словно оцѣпенѣли въ то время, какъ она писала свои записки: такъ поглощена была вся ея личность субъективными ощущеніями!..

Тургеневъ гдѣ-то говоритъ, что «съ настоящимъ аппетитомъ человѣкъ говоритъ только о себѣ». Этотъ аппетитъ даетъ себя чувствовать. вообще, въ мемуарной, автобіографической литературѣ. У актеровъ-же особенно. Мемуары Сары Бернаръ, безъ сомнѣнія, не только великой артистки, но и замѣчательной личности, это скорѣе реляція, въ стилѣ суворовскаго: «Слава Богу. слава намъ. Туртукай взятъ, и мы ужъ тамъ...» При сравнительномъ изяществѣ формы, мемуары Сары Бернаръ поразительно безсодержательны. Міръ—это я. и я—это міръ.

Записки М. Г. Савиной, впрочемъ, выгодно отдѣляются въ томъ смыслѣ, что она удѣляетъ много мѣста разсужденіямъ о русской сценической школѣ, о значеніи русскаго искусства и пр. Тутъ читатель найдетъ много цѣнныхъ и тонкихъ замѣчаній. Очень любопытны также замѣчанія М. Г. Савиной объ исполняемыхъ ею роляхъ, напримѣръ, Магды. Но жаль—и ужъ съ этимъ возьмите актерскіе мемуары—что сравнительно такъ мало художественныхъ замѣтокъ и нотабенъ о тѣхъ, съ которыми М. Г. Савинавстрѣчалась, но которыхъ—имѣю слабость предполагать,—подобно Берлину, «не видѣла».

Матеріалъ записокъ очень обширенъ, и я конечно, не надѣюсь даже въ малой степени исчерпать тѣ его части, которыя служатъ для характеристики личности нашей знаменитой артистки. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ возвращенія М. Г. Савиной на родину, послѣ заграницы.

«Поѣздъ нашъ пришелъ рано утромъ, а въ 10 часовъ на квартирѣ у меня была уже икона Казанской Божьей Матери о чемъ я распорядилась телеграммой съ дороги.

Для того, чтобы помолиться и горячо поблагодарить Господа Бога за всѣ его милости, было у меня слишкомъ много поводовъ. Уѣзжая, я говорила себѣ: «Со щитомъ или на щитѣ»... Даже духовное завѣщаніе написала. Пусть это покажется малодушіемъ, чрезмѣрнымъ самолюбіемъ или просто глупостью, но таковой мой «ндравъ»: я не перенесла-бы позорнаго провала—и кто знаетъ, «завѣщаніе могло-бы понадобиться...

Къ особенно религіознымъ я себя причислить не могу, но я глубоко вѣрю въ Бога и въ Его Божественный Промыселъ...»

Вотъ отрывокъ изъ дневника отъ 31 марта, наканунѣ отъѣзда изъ Берлина.

«Ахъ, какъ подумаю объ укладкѣ,—прямо не знаю, что и дѣлать... Еще вчера исподволь принялась я за это дѣло... Вотъ и сегодня цѣлый день буду урывками укладываться... Да и всю ночь послѣ спектакля придется провозиться съ сундуками. Отъѣздъ въ Прагу—завтра въ 8 часовъ утра... Привычка—вторая натура: что-бы ни было, какъ-бы ни было и когда-бы ни было, всѣ мои вещи я непремѣнно укладываю сама и никому этого поручить не могу... Ужъ мой педантизмъ въ этомъ отношеніи—не передѣлаешь... Да, пытка предстоитъ порядочная... И когда я это только все усчѣю...»

Вотъ два отрывка, думается, очень типичные для души актрисы. Великая богомольность, хотя «не считаетъ себя особенно религіозной», и «педантическая укладка». Я думаю, въ этомъ отношеніи знаменитая русская актриса, М. Г. Савина, равняется самой безвѣстной...

Значительная часть записокъ посвящена «недоброжелательству» товарищей по Александр. театру, не скрывавшихъ своего враждебнаго отношенія къ поѣздкѣ. Отношеніе не измѣнилось и по возвращеніи Савиной. Публика встрѣтила Савину, по возвращеніи, восторженно, но «совсѣмъ другое отношеніе,—пишетъ Савина,—ожидало меня за кулисами—въ средѣ если не всѣхъ, то большинства моихъ товарищей. Тамъ, по ту сторону рампы, очевидно, многими рѣшено было «игнорировать» все и вся, касающееся нашего заграничнаго турнэ. Отношеніе это было какое-то враждебное, ревнивое, злобное, еще худшее, чѣмъ передъ поѣздкой, во время сборовъ къ ней. Двое-трое изъ товарищей дипломa-

НОВЫЙ ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ.

„Анатэма“ Л. Андреева на сценѣ Новаго драматическаго театра.

1) Абрамъ-Хессинъ — г. Викторовъ. 2) Давидъ-Лейзеръ — г. Александровскій. 3) Урокъ танцевъ — гг. Турцевичъ и Пельцеръ. 4) Плачущая женщина — г-жа Садовская. 5) Конецъ 2-й картины: Ахъ, музыкантъ, вы еще здѣсь? — Такъ сыграйте мнѣ что-нибудь. Такой праздникъ — нельзя безъ музыки. То-же самое играть? — То-же самое. 6) Пустынникъ — г. Гольдфаденъ. 7) Л. Н. Андреевъ. 8) Роза — г-жа Полшина. 9) 6-я картина: Обернись, Давидъ, Сура пришла. 10 сверху) Анатэма — г. Муратовъ.

тично, такъ сказать, разспрашивали меня, старались выказать якобы интересъ и, точно по обязанности, поздравляли съ «успѣхомъ». Другіе прямо не скрывали своего страннаго отношенія и держали себя такъ, что можно было подумать, что я будто въ чемъ-то противъ нихъ виновата, что я, пожалуй, совершила нѣчто непростительное. Нѣкоторые же—совершенно непостижимо...—даже кланяться со мною перестали. Въ театрѣ, за кулисами, пущены были слухи, что «успѣхъ нашъ за границей раздутъ», на три четверти—ложь, что «за все заплачено» и тому подобное. Кому-то точно нужно было во что-бы то ни стало умалить значеніе нашей поѣздки и свести на нѣтъ нашъ успѣхъ.

Вотъ уже сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а я все вспоминаю объ этомъ съ тяжелымъ чувствомъ. Странное, непонятное и совершенно необъяснимое, какое-то фатальное недоразумѣніе... Ну, въ самомъ дѣлѣ, какой смыслъ въ томъ, чтобы ни подъ какимъ видомъ не признавать *своихъ*? А какъ эта черта свойственна намъ вообще... Я не жалуюсь на печальное вѣковое положеніе: «Нѣтъ пророка въ отечествѣ своемъ». Лично я принадлежу скорѣе къ тѣмъ счастливымъ, про которыхъ это не писано. Я всегда была довольна моимъ успѣхомъ на родинѣ,—и роптать на монхъ соотечественниковъ въ этомъ смыслѣ у меня не было и нѣтъ повода. Я въ данномъ случаѣ имѣю въ виду отношеніе «коллегъ» и называю его «фатальнымъ недоразумѣніемъ» исключительно съ ихъ точки зрѣнія,—съ точки зрѣнія артистической ревности къ успѣху другого. Если-бы они взглянули поглубже, сознательнѣе, то имъ слѣдовало-бы радоваться успѣху моему, и всей нашей поѣздки. Вѣдь, ревность артиста къ успѣху товарища всегда порождается не личной враждой, а самомнѣніемъ, присущимъ нашей средѣ. «Я лучше, я талантливѣе, я интереснѣе»—вотъ что главнымъ образомъ побуждаетъ артиста быть несправедливымъ къ товарищу. Отсюда-бы, казалось, должно вытекать совсѣмъ иное отношеніе къ успѣху другого, совсѣмъ иной выводъ. Если «худшій», «менѣе талантливый» и «менѣе интересный» имѣлъ тамъ-то успѣхъ, то мнѣ «лучшему», болѣе «талантливому» и болѣе «интересному», стало быть, въ томъ же мѣстѣ успѣхъ еще болѣе обезпеченъ. Казалось-бы, что тутъ надо радоваться... Я уже не говорю о чувствѣ товарищества, объ общности интересовъ, о вѣрѣ въ родное, отечественное искусство...

Должна сознаться, что весь этотъ безсмысленный ревнивый ропотъ кулисъ и эта незаслуженная непріязнь нѣкоторыхъ товарищей, особенно тѣхъ, которыхъ я привыкла ранѣе считать моими доброжелателями, въ значительной степени отравляли мое счастливое настроеніе».

Все это, безспорно, справедливо, но не знаю, однако, была ли нужда М. Г. Савиной такъ подчеркивать эти «закулисныя тѣни»? Можетъ быть, кстати, онѣ нѣсколько сгустились въ ея воображеніи? Въ запискахъ М. Г. Савиной приведенъ цѣлый рядъ привѣтственныхъ телеграммъ отъ товарищей, искренно поздравлявшихъ ее съ успѣхомъ. Конечно, кое-кого и не досчитать. Но мнѣ думается, товарищей, радовавшихся успѣху М. Г. Савиной, было больше, чѣмъ «злобствовавшихъ», и потому «рана въ сердцѣ» не должна бы сочиться. Ну, что же, одни выражаютъ радость, другіе выражаютъ неудовольствіе. Дѣло житейское. И тутъ—какъ мнѣ думается—М. Г. Савина немножко даетъ «сердцу волю», какъ обыкновенно даютъ ему волю служители и служительницы сцены,—существа импульсивныя, по преимуществу.

Книга эта—толстый томъ, свыше 700 стр.—во всякомъ случаѣ, изданіе цѣнное, и нужно было много усердія со стороны А. Е. Молчанова, чтобы собрать и привести въ порядокъ всю эту груду матеріала. Замѣчу мимоходомъ, что едва ли была нужда ради одной лишь фактической полноты перегружать добрую треть книги безсодержательными отмѣтками изъ хроники или перепечаткой in extenso всего, что наболтали интервьюеры. Безспорно, очень интересно познакомиться съ мнѣніемъ берлинской критики, хотя бы и газетной, которая все же стоитъ довольно высоко. Но если М. Г. Савину посѣтилъ какой-нибудь интервьюшникъ изъ «Lokal-Anzeiger'a» или изъ «Börsen-Courier'a», то я не думаю, чтобы на него стоило изводить хорошую бумагу. Пишетъ онъ, напримѣръ, такъ:

— Любите ли вы икру?—спросила меня Марія Гавриловна меланхолическимъ славянскимъ голосомъ.

— Страстно!

Она улыбнулась—это была меланхолическая славянская улыбка — взяла большую фарфоровую бѣлую тарелку и положила мнѣ цѣлую гору икры.

Я сказалъ:

— У Кемпинскаго (популярный ресторанъ) это стоило бы, по крайней мѣрѣ, 3 марки.

— Можетъ быть, вы кушаете икру съ лимономъ?—спросила меня Марія Гавриловна.

И пр. и пр.—цѣлыхъ двѣ страницы объ икрѣ, которая у Кемпинскаго стоитъ больше 3 марокъ и столь поразила бѣднаго нѣмецкаго интервьюшника, выросшаго на гороховой колбасѣ, что онъ совсѣмъ опалѣлъ отъ восторга.

Накормите голодныхъ икрой—это такъ, но зачѣмъ ихъ печатать на хорошей бумагѣ? **Н. Негоревъ.**

Въ одну Рождественскую ночь.

Хотѣлось бы по поводу истекающаго двадцатипятилѣтія моей сценической дѣятельности, дать вамъ какое-нибудь болѣе яркое воспоминаніе...

Богъ мой! Спрашивать у актера воспоминаній, когда вся его жизнь, каждый день, часъ—воспоминанія, и далеко не радостныя, кромѣ ничтожныхъ свѣтлыхъ точекъ. Но такъ какъ воспоминанія застаютъ меня наканунѣ Рождества, то позвольте вамъ разсказать страничку изъ жизни бѣдныхъ перелетныхъ птицъ, провинціальныхъ актеровъ.

Это было въ 1884 году, я служилъ у покойнаго К. Г. Лелева-Вучетича, милѣйшаго, очаровательнѣйшаго, воспитаннѣйшаго человѣка, но слабаго актера и еще худшаго администратора. Онъ совершенно не умѣлъ вести правильнаго дѣла, случайно ставилъ случайныя пьесы, основнымъ репертуаромъ полагалъ пьесы своего репертуара—«Блуждающіе огни», «Гамлетъ», «Коварство и любовь» и проч., которыя исполнялъ слабо; случайно же онъ попадалъ въ разные города съ случайной труппой и только одинъ разъ антрепренерствовалъ въ большомъ городѣ—Одессѣ, куда случайно же попалъ. Да и то сдѣлался антрепренеромъ, благодаря уговорамъ друзей, доставшихъ ему денегъ для поднятія дѣла, такъ какъ до снятія театра, какъ говорилъ самъ К. Г., у него въ карманѣ находилось двѣ семикопѣечныхъ марки.

Въ 1884 году К. Г. Лелевъ-Вучетичъ началъ зимній сезонъ въ *С.*, затѣмъ мѣсяца черезъ два перекочевалъ въ *Е.*, а оттуда въ *К.* И вотъ—одно изъ кочеваній пришлось на сочельникъ!

Бѣдные русскіе актеры, бѣдныя перелетныя птицы!

Какъ сейчасъ, вижу пашихъ артистовъ, сбившихся въ тѣсную группу, въ тускло-освѣщенномъ и холодномъ вагонѣ третьяго класса, дрожащихъ отъ холода, съ пустыми карманами. Жалованье намъ никогда не платилось въ сроки: получали урывками, кое-что, рублями, да и то, если было изъ чего. Странно собственно, что это предпріятіе называлось антрепризой при такомъ полученіи денегъ, но еще страннѣе, съ современной точки зрѣнія, что никто ни на что не жаловался. Контрактовъ не было ни у кого, всѣ служили на честномъ словѣ, и хотя никогда не получали правильно всей суммы мѣсячнаго оклада, но гордо говорили: «я *получаю* 150, я—200, я—400»...

А куда ужъ тутъ! Хорошо, если тому, кто *получалъ* 400,

А. И. Долиновъ.
(Къ 25-лѣтію сценической дѣятельности).

удавалось въ теченіе мѣсяца заполучить рублей 80. А то еще бывало такъ, что антрепренеръ занималъ у актрисъ, имѣвшихъ сбереженія, или собственныя деньги, то 200, то 100 рублей. Мы же грѣшные, молодежь, получали когда рубль, а когда и полтинникъ. И вотъ съ такими-то полтинниками въ карманѣ сидѣли мы, полуголодные, холодные, чающіе «великія милости» отъ великолѣпнаго *К.*

Выѣхали мы изъ *Е.* въ 12 часовъ дня, и разсчитывали пріѣхать въ *К.* около 5 часовъ. Но вьюга разыгрывалась не на шутку, снѣгомъ занесло весь путь, и небо совсѣмъ потемнѣло отъ клубящагося снѣга.

Темно! Холодно!..

Кондукторъ угрюмо объявилъ, что придется переждать снѣжную бурю въ степи, и когда выберемся—неизвѣстно.

— Може, и ночевать будемъ!—объявилъ намъ сумрачный хохолъ.

И мы простояли всю ночь въ степи, продрогшіе, проголодавшіеся, но веселые и счастливые.

Чего мы были счастливы, чему радовались?

Не знаю! Но буря насъ не трогала, темнота не казалась намъ страшной. Въ вагонѣ было шумно, радостно, весело, много спорили, говорили о театрѣ, много мечтали, что-то доказывали. Кто-то читалъ горячіе монологи, кто-то декламировалъ монологъ изъ «Самозванца». Какой-то юноша цитировалъ статью Бѣлинскаго о «Гамлетѣ», какой-то старикъ разсказывалъ про случаи съ Выходцевымъ...

Кругомъ выла буря, было холодно, было темно, но въ вагонѣ было шумно и весело, и всѣ радовались, что наступаетъ сочельникъ, всѣ были бодро настроены, несмотря на полтинникъ въ карманѣ.

Чего мы были счастливы, чему радовались?... Этого я не могу даже вспомнить. Знаю только, что теперь на это реагировали бы иначе. Должно быть тогда жилось легче, меньше было контрактовъ, пунктовъ, классификацій и больше настоящей актерской любви къ своему актерскому театру. Теперь мы стали много умнѣй, теперь мы знаемъ наизусть Ибсена, Метерлинка, Шпибышевскаго, мы узнали стилизацію, симплификацію, монодраму, единую волю, статуарность, динамичность... Оно, можетъ быть, и не плохо, что узнали—«всякій прогрессъ да привѣтствуется», но стали-ли мы, актеры, отъ этого счастливѣе, и больше-ли мы любимъ театръ?

По совѣсти отвѣчу—нѣтъ!

Можетъ быть, мы и изощрились, но теперь въ насъ (у большинства) многое отъ лукаваго. И если я сравню рождественскую ночь теперешнюю, съ такой-же за 20—25 лѣтъ назадъ, то настоящее искусство, настоящее горѣніе въ актерахъ я найду тогда, а не теперь.

И не потому, что всегда «прошлое» и старое кажется лучшимъ, нѣтъ!

А потому, что въ «прошломъ»—актеры шли въ театръ, точно на подвигъ, не *для себя* шли, а *себя* приносили въ жертву театру. Ихъ увлекали горячіе монологи героевъ, ихъ вдохновляли идеи авторовъ (я говорю, конечно, не о Крыловыхъ) они, можетъ быть менѣе образованные, чѣмъ теперешніе, жили на сценѣ тѣмъ, что они играли, по настоящему переживали всѣ горести и радости Гамлета, Лаэрта, Лира, Фальстафа, менѣе прибѣгали къ скальпелямъ, меньше анатомировали каждый образъ, быть можетъ, давали меньше ума, но больше горячаго чувства, и, какъ ни странно... больше правды...

Интуиція—выше ума, а интуиціи было *тогда*—больше.

А можетъ быть разгадка проста!..

Больше было... таланта!

Но какъ-бы то ни было, оглядываясь назадъ, я часто вспоминаю эту рождественскую ночь, холодный вагонъ, го-

ТЕАТРЪ ЛИТЕРАТУР.-ХУДОЖЕСТВ. ОБЩЕСТВА.

„Въ странѣ любви".
Проводникъ (г. Шмидгофъ). Рис. М. Слѣпяна.

рячія рѣчи, пылкую декламацію, страстные споры объ искусствѣ... съ однимъ полтинникомъ въ карманѣ.

И если тогда было много холода—извнѣ, за то много тепла и священнаго огня теплилось внутри. А впрочемъ, не посѣтуйте на меня за странную сантиментальность, съ которой я вспоминаю, быть можетъ, ничтожный эпизодъ, случившійся въ одну рождественскую ночь, двадцать пять лѣтъ назадъ.

А. Долиновъ.

Слава.

... Онъ входилъ въ моду. Газеты посвящали ему лестные отзывы. Публика полюбила его за искренній голосъ, за трогающую нервность, а главное, конечно, за молодость. Послѣдняя роль въ только что поставленной пьесѣ прославленнаго автора тоже удалась. Пьеса и онъ, исполнявшій главную роль, понравились. Ему льстили товарищи, онъ даже сталъ «своимъ» въ литературныхъ кружкахъ. Незнакомыя женщины писали ему письма.

Однажды утромъ онъ по какому-то дѣлу пришелъ къ прославленному автору. Сестра писателя, которую онъ вскользь видѣлъ на генеральной репетиціи, была въ комнатѣ рядомъ. Она какъ бы нечаянно открыла дверь и вошла. По тому, какъ она остановилась и какъ дрогнули ея длинныя вѣки со свѣтлыми рѣсницами, молодой актеръ почувствовалъ, что она пришла ради него. Запомнилась ея маленькая, изящно и тщательно причесанная головка и тоненькая золотая цѣпочка, обнимавшая открытую дѣвичью шею. Цѣпочку угломъ оттягивалъ медальонъ, котораго не было видно: онъ прятался подъ платьемъ на груди. Дѣвушка показалась ему прекрасной, поэтической, не похожей на тѣхъ женщинъ, которыя писали ему такія милыя письма и при знакомствѣ оказывались такими вульгарными. Онъ невольно всталъ.

— Чего тебѣ? — спросилъ небрежно писатель: не мѣшай, мы заняты.

Она ушла, сконфуженная.

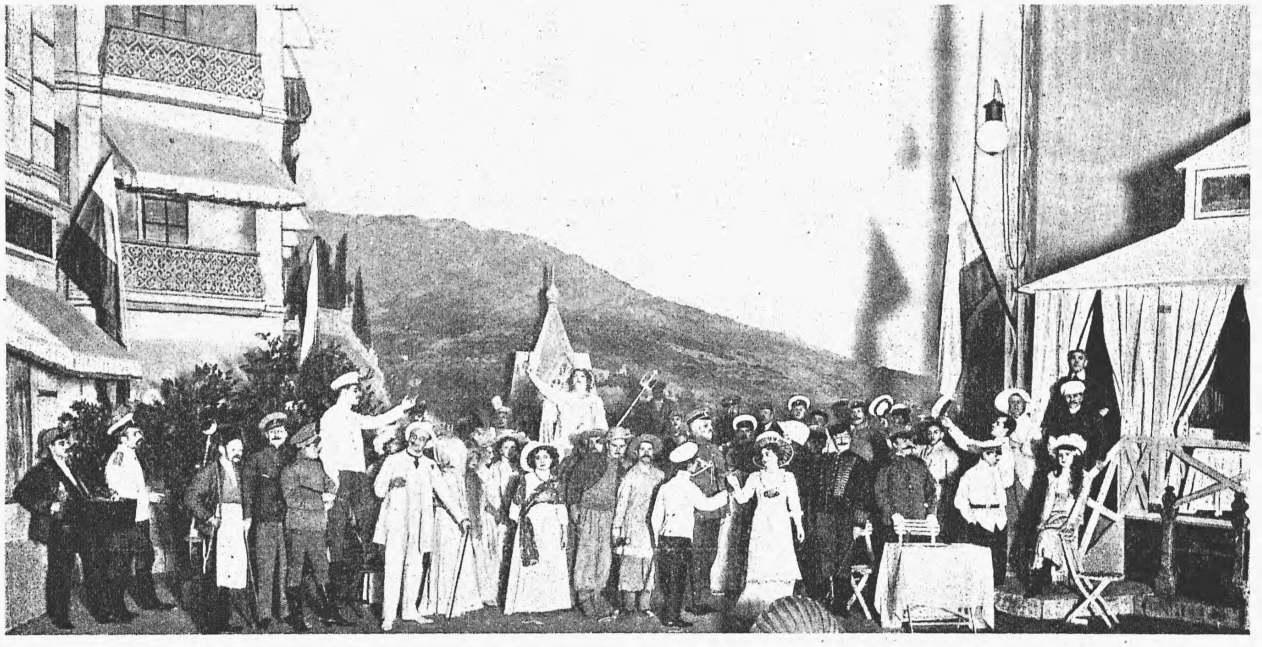
Окончивъ разговоръ, драматургъ проводилъ актера въ переднюю. Опять какъ будто нечаянно вышла сестра, и они познакомились. Актеръ пожалъ маленькую руку и не поднялъ глазъ, считая, что этимъ, быть можетъ, оскорбитъ ее.

— Я васъ видѣла въ театрѣ... на генеральной репетиціи...—начала она.

— Онъ и въ спектаклѣ тоже участвуетъ — небрежно посмѣиваясь надъ сестрой, прервалъ драматургъ.

Актеръ собирался на званый вечеръ, гдѣ его ждали, какъ почетнаго гостя. Новый, утромъ купленный, дорогой воротникъ съ трудомъ застегивался на золоченую, тоже новую запонку. Приходилось гримасничать, стоя передъ зеркаломъ. Вначалѣ это было забавно, но понемногу начинало раздражать. Колпакъ лампы былъ снятъ, чтобы

ТЕАТРЪ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАГО ОБЩЕСТВА.



Генералъ—г. Бастуновъ.
Коромыслова—г-жа Холмская. Жена его—г-жа Музиль.

„Въ странѣ любви", В. Туношенскаго. 3-й актъ.

удобнѣе видѣть, и въ комнатѣ было иное освѣщеніе, чѣмъ въ тѣ тихіе вечера, когда онъ еще не былъ въ модѣ и скромно работалъ, мечтая о славѣ. Исчезли тѣни въ углахъ и всюду разлился разсѣянный, бѣлый, какъ бы наглый безстыдный свѣтъ электрической лампы.

Вдругъ въ дверь постучались. Актеръ едва успѣлъ отскочить отъ зеркала и вправить воротникъ.

— Войдите! — сказалъ онъ недовольно, потому что не ждалъ интереснаго визита.

Вошла.

— Вы! Вы... — въ изумленіи проговорилъ онъ: вотъ странно!

Это была сестра писателя. Тоненькая, поэтическая, она робко, преодолѣвая свое смущеніе, улыбалась.

Они стояли въ двухъ шагахъ отъ двери. Онъ держалъ ея худенькія холодныя руки, слегка наклонилъ голову — потому что былъ значительно выше ея ростомъ, и новый, утромъ купленный, дорогой воротникъ непривычно давилъ горло.

— Простите,—говорилъ онъ въ смущеніи: безпорядокъ. Я... я сейчасъ.

Онъ живо схватилъ старый сюртукъ, брошенный на стулъ, и унесъ его за перегородку.

— Не смотрите, — крикнулъ онъ оттуда.—Неужели это дѣйствительно вы?

Онъ вышелъ къ ней, и стоялъ, снова наклонившись и дотрогиваясь до ея холодныхъ рукъ. Ея маленькое, острое, смѣющееся, какъ бы болѣзненное личико было поднято вверхъ; большая черная шляпа вмѣстѣ съ тщательной наложенной изящной прической образовала какое-то пышное хрупкое сооруженіе, до котораго было боязно дотронуться.

— Я себѣ сказала, что должна васъ видѣть. Должна, должна! Ну, я вотъ...

Она легко и хитро засмѣялась и, желая казаться храброй и опытной, была невинна, мила и труслива. Сама того не замѣчая, она крѣпко сжимала его большія руки.

— Какъ умно вы это придумали! Это прекрасно! — улыбаясь сказалъ актеръ:—снимите же вашу... снимите...

Онъ не зналъ какъ назвать ея шубу.

— Нѣтъ, я, вѣдь, только на одну минуту.

— Почему?

— Увидѣть васъ и уйти.

Но она тотчасъ сняла шубку и, стоя у зеркала, засмѣялась. Потомъ, повернувшись къ нему лицомъ, она громко сказала его имя и фамилію, какъ два короткихъ трубныхъ звука.

— И что же? —спросилъ онъ, не переставая улыбаться: дальше?

Она еще согнулась, опираясь худыми, почти дѣтскими руками у колѣнъ и оглядывая его изъ-подъ пышнаго сооруженія. Платье у нея было вырѣзано, и тоненькую золотую цѣпочку угломъ оттягивалъ медальонъ, спрятанный на груди.

— Я третьяго дня рѣшила, что должна быть у васъ.

— Почему—именно третьяго?

— Ну, когда вы были у насъ. Придти, посидѣть минуту и уйти.

— А если бы вы меня не застали?

— Нѣтъ, я чувствовала, что застану.

— А если бы былъ кто-нибудь?

Она хитро и трусливо прищурилась.

— А у васъ бываютъ... женщины?

Онъ, неопредѣленно улыбаясь, покачалъ головой.

— Знаете, сколько разъ я васъ видѣла въ пьесѣ брата? Угадайте! Шесть.

— Это вы смотрѣли пьесу или меня?

Она засмѣялась и снова, какъ два короткихъ трубныхъ звука, произнесла его имя. Ея тихій, мелкій, дразнящій, какъ бы не раскрывающійся, смѣхъ, словно сіяніе, окружилъ его имя. Актеръ ужъ не замѣчалъ, что воротникъ жметъ; у него сладко заныло въ груди; явилось чувство, похожее на волненіе передъ вечернимъ выходомъ.

— Я бы теперь прекрасно, прекрасно игралъ,—сказалъ онъ тихо, и у него на глаза навернулись слезы.

У нея тоже блеснули слезы и совершенно просто, какъ будто дѣлали это уже въ теченіе года—они поцѣловались прямо въ губы. Привлекая ее къ себѣ, онъ услышалъ, слабый шорохъ шелковой юбки...

Черезъ четыре года онъ ее снова встрѣтилъ. Актеръ за это время уже успѣлъ сыграть до тридцати ролей и все выигрышныхъ. Онъ получалъ большое жалованье. У него было имя, и, когда онъ пріѣзжалъ на гастроли въ провинцію, дѣлалъ полные сборы; а по окончаніи спектакля устраивались веселые ужины; при этомъ ему не давали платить, и онъ не настаивалъ.

Онъ уже привыкъ къ высокимъ воротникамъ; у него было шесть-восемь приключеній длительныхъ и нѣсколько мелкихъ. Въ хорошихъ ресторанахъ лакеи узнавали его и кланялись.

Встрѣтилъ онъ ее въ обществѣ, въ чужомъ городѣ, гдѣ былъ случайно. Онъ ее совершенно не узналъ, потому что она сильно подурнѣла и была беременна.

Она тронула его за рукавъ, и онъ услышалъ свое имя и фамилію — какъ два короткихъ трубныхъ звука, — но труба эта теперь звучала тише и придавленнѣе.

— Вы не узнаете меня?—сказала она и слабо улыбнулась своимъ худенькимъ острымъ, болѣзненнымъ личикомъ.

Онъ узналъ ее, вспомнилъ свою комнату и свѣтъ лампы, рѣзавшій глаза, потому что былъ снятъ матовый колпакъ. Прежнее чувство волненія слабо заныло въ его груди.

— Не смотрите на меня. Я некрасивая. Ну что? Ну какъ?

Она сжимала, забывшись, его руку, и не спускала глазъ съ его лица.

— Вы замужемъ?

— А то какъ же? Какъ же иначе?

Она засмѣялась, откровенно, немного цинично, но не могла нагнуться, потому что мѣшалъ большой животъ.

Онъ смотрѣлъ на нее, какъ тогда сверху внизъ, но былъ дальше отъ нея.

— У васъ лицо стало сытымъ, вы пополнѣли,—сказала она:—Не надо полнѣть. Это вамъ не идетъ.

— Постараюсь—отвѣтилъ онъ, давая улетучиться своей радости, полученной отъ встрѣчи: онъ не любилъ, когда ему напоминали о его полнотѣ.

ТЕАТРЪ ЛИТЕРАТУР.-ХУДОЖЕСТВ. ОБЩЕСТВА.

„Въ странѣ любви“ В. Туношенскаго.
Княгиня Сицкая (г-жа Музиль-Бороздина).
Рис. М. Слѣпяна.

— Познакомить васъ съ мужемъ? Онъ тоже здѣсь.

— Пожалуйста.

— Или не надо? Въ сущности, къ чему? Ну, мужъ какъ мужъ. Съ бородой. Вы смотрите—на что вы смотрите? Развѣ у меня не въ порядкѣ?

— Вашъ медальонъ? Гдѣ онъ?—спросилъ актеръ—и вспомнилъ ощущеніе теплаго металла пахнущаго молодымъ дѣвичьимъ тѣломъ. Прелестный милый медальонъ...

Потеряла.—Она чему-то мелко засмѣялась, и онъ почувствовалъ, что давно забытъ ею, какъ незначительный эпизодъ...

— Ну, прощайте—она протянула руку—я о васъ иногда читаю. Мнѣ говорили, что вы все идете въ гору... Вы талантъ, да, да.

Онъ поцѣловалъ ея уже не холодную, а теплую, холенную съ отдѣланными ногтями ручку.

Кто-то остановилъ его и сталъ разсказывать. Онъ старался слушать, но на душѣ была кислая тоска.

— Спрошу въ гостинницѣ коньяку—рѣшилъ онъ.

Пилъ онъ, впрочемъ, рѣдко.

Прошло двѣнадцать лѣтъ. Актеръ былъ уже въ лучшемъ театрѣ, и его знали даже дѣти. Въ прошломъ году онъ справлялъ свой двадцатилѣтній юбилей, и ему поднесли золоченый вѣнокъ. Появились новыя театральныя имена. Онъ ихъ не любилъ смотрѣть. Надъ нимъ—онъ это зналъ—они не прочь были посмѣяться. «Завидуютъ!»—говорилъ онъ себѣ. Но когда въ газетахъ наталкивался на хорошій отзывъ о какомъ-нибудь молодомъ актерѣ, онъ отводилъ глаза, не дочитавъ и смотрѣлъ: есть ли гдѣ про него?

У него былъ отложенъ про запасъ недурной капитальчикъ. Лѣтомъ онъ отдыхалъ на дорогой дачѣ, отпускалъ бороду и занимался въ саду цвѣтами. Нѣсколько разъ онъ снимался такъ—на работѣ, въ саду, среди цвѣтовъ.

Женщины, которыя съ нимъ были, давно ушли отъ него. Онѣ состарились и были ему неинтересны, а новыя не встрѣчались. Онъ былъ одинокъ.

Время отъ времени—къ Новому году и ко дню своего рожденія—онъ получалъ изъ провинціи короткія письма, исписанныя дѣтскимъ неровнымъ почеркомъ:

— Дорогой папочка, поздравляю тебя съ Новымъ годомъ и желаю, чтобы...

Подпись—«Леля». Это его дѣвочка. Теперь ей девятый годъ. Она воспитывается у тети, его бездѣтной сестры.

...Актеръ теперь былъ простуженъ и ужъ третій день не выходилъ. Въ газетахъ онъ читалъ:

— Нашъ извѣстный артистъ (такой-то) серьезно занемогъ.

— Болѣзнь талантливаго (имя), къ счастью, не внушаетъ опасеній.

— Какъ мы слышали...

Жилъ онъ, какъ и тогда, въ меблированныхъ комнатахъ, но болѣе дорогихъ. Онъ уже не замѣчалъ, снятъ ли колпакъ съ лампы, нѣтъ ли... Прежнія загадочныя тѣни въ углахъ комнаты были совершенно забыты.

Теперь онъ лежалъ на плюшевомъ запыленномъ старомъ диванѣ; передъ нимъ на стулѣ находилась коробка съ двумя облатками хинина. Сейчасъ время принимать лекарство. Онъ ни о чемъ не думалъ, его угнетало одиночество, и онъ невольно прислушивался къ тому, что происходитъ за стѣной.

Тамъ жилъ молодой художникъ. Онъ носилъ какую-то особенную фуражку и брилъ усы. На-дняхъ актеръ какъ-то встрѣтилъ его имя въ газетѣ, но, по обыкновенію, не прочелъ и отложилъ въ сторону, не заинтересовавшись.

Были сумерки, надвигался длинный зимній одинокій вечеръ. За стѣной возился художникъ, что-то прибивая. Было тихо въ домѣ, и актеръ издали услышалъ какъ по корридору шли приближаясь молодыя женскія ноги.

— Кто бы это?—подумалъ онъ.

Актеръ приподнялся на локтѣ, скривилъ лицо въ гримасу и продолжалъ слушать.

Но шаги, прозвучавъ около его двери, прошли дальше, стали глухими и замерли недалеко.

Актеръ заволновался, спустилъ ноги въ дорогихъ теплыхъ туфляхъ и кокетливыхъ цвѣтныхъ носочкахъ.

Вдругъ рядомъ въ дверь къ художнику постучались—напряженно, не громко—какъ стучатъ въ первый разъ въ чужую дверь.

Было слышно, какъ художникъ подошелъ къ двери, отперъ ее и изумленно сказалъ:

— Вы... Вы!.. Господи, это вы?

Потомъ дверь заперли и за стѣной послышались два голоса и нервный молодой дразнящій смѣхъ.

Актеръ вспомнилъ то, что было пятнадцать лѣтъ назадъ, свой высокій, тугой воротникъ, свой нервный голосъ и свой молодой талантъ. Онъ понялъ, что тогда къ нему приходила слава, а теперь, пройдя мимо, постучалась къ другому.

Облатку хинину онъ проглатывалъ долго, сжимало горло, было горячо во рту и сердцѣ...

За стѣной стихло.

Ос. Дымовъ.

ТЕАТРЪ „ЗИМНІЙ БУФФЪ“.

„Графъ Люксенбургскій“.

Анжель (г-жа Зброжекъ-Пашковская). Рис. А. Любимова.

Замѣтки.

Нашъ, т. е. «Театра и Искусства» старый знакомецъ Ю. Д. Бѣляевъ, «согрѣшилъ», какъ онъ выражается, одноактной святочной шуткой «Путаница» или «1840 годъ», поставленной и разыгранной на-дняхъ съ успѣхомъ въ Маломъ театрѣ. Въ Прологѣ появляется Путаница, миленькая, маленькая особа въ темно-зеленой бархатной шубкѣ, съ большой горностаевой муфтой, и подъ завываніе вьюги, говоритъ о «свѣтломъ кругѣ» старой петербургской жизни и о водевилѣ—миломъ старомъ водевилѣ,—гдѣ всѣ, по обыкновенію, «съѣхались, перепутались и разъѣхались». Все это натворила она, Путаница, душа водевиля. А водевиль—это «золотая театральная пыль», «фіалка въ табакеркѣ стараго Петербурга». Апчхи!.. Послѣ пролога мы переносимся въ «казенную квартиру» надворнаго совѣтника Гуляева, и тутъ Путаница по водевильному слегка—очень слегка—путаетъ, и въ заключеніе поютъ куплеты. Куплетъ Путаницы привожу in extenso:

Ахъ, я боюсь, что пѣть мы разучились
И пропадетъ послѣдній нашъ куплетъ—
Ошибки всѣ, которыя-бъ случились,
Простите намъ... „за выслугою лѣтъ“.
Я перепутала въ концѣ, да и въ началѣ,
Но такъ кончать случилось мнѣ впервой.
Простите Путаницѣ, какъ ей всѣ прощали,
Когда у насъ былъ годъ сороковой.

Пьеска Ю. Д. Бѣляева, въ общемъ, очень граціозная и изящная, опушена, подобно этой милой Путаницѣ, снѣжною пылью, легкою, какъ гагачій пухъ. Я пожалѣлъ немного, зачѣмъ авторъ изъ поэтическаго, лирическаго пролога сдѣлалъ такой скачекъ въ область жанра, «когда у насъ былъ годъ сороковой». Когда я читалъ эту шутку и когда смотрѣлъ ее, меня все время преслѣдовала какая-то поэтическая мечта. Вотъ, думалось мнѣ, если-бы я былъ поэтъ, я-бы взялъ эту миленькую, маленькую Путаницу за руку и полетѣлъ съ ней по городу. И всюду, куда-бы мы съ ней ни постучались, начиналась-бы какая-нибудь забавная или трогательная, фантастическая или романтическая исторія, и сразу стало-бы свѣтло и тепло, и интересно. Маленькая Путаница въ бархатной, темно-зеленой шубкѣ, съ горностаевой муфточкой,—это привкусъ, сказка нашей жизни. Вотъ о чемъ я думаю,—о непримиримомъ антагонизмѣ между позитивизмомъ нашей повседневности, яснымъ и широкимъ, какъ столбовая дорога, и кокетливой, загадочной, пестрой, извилистой путаницей.

Я люблю Путаницу. Ее нельзя не любить, мнѣ кажется. Вотъ въ математикѣ нѣтъ путаницы, но я никогда не былъ математикомъ, и всегда меня клонило къ языкознанію и «гуманитарнымъ» наукамъ, гдѣ такъ много извилинъ мысли и хитрыхъ, съ секретомъ, потайныхъ ходовъ логики. Жить безъ путаницы было-бы чрезвычайно скучно. Все ясно, послѣдовательно, аксіоматически вѣрно: послѣ вторника среда, послѣ среды четвергъ, дважды два четыре, кто богатъ да уменъ—два угодья въ немъ, вставать надо въ 8 часовъ, а ложиться въ 12, предъ обѣдомъ слѣдуетъ совершать моціонъ. Въ часовомъ механизмѣ совершенно нѣтъ путаницы. Но и нѣтъ ничего безжалостнѣе времени и послѣдовательнаго хода секундъ.

Путаница ходитъ по городу и путаетъ мысли. Она питаетъ любовь, романтику, поэзію. Она порождаетъ скачки жизни, очаровательность, хаотичность и безсистемность въ кругѣ порядка и системы. Вспомните молодость свою, и вы убѣдитесь, что только тогда и жили хорошо и весело и беззаботно, и широко-привольно, когда отдавались путаницѣ. Ахъ, эта милая Путаница, шалунья съ загадочными глазами, въ темно-зеленой шубкѣ, съ горностаевой муфточкой!..

Въ театрѣ, когда мы были молоды, мы увлекались путаницей, сложной извилистой интригой, не открытой тайной, прикровенной откровенностью! Путаница—не только «душа стараго водевиля». Она точно также душа старой драмы, мелодрамы, трагедіи. Съ замираніемъ сердца слѣдишь за кривыми путями и закоулками, по которымъ бродитъ истина, прежде чѣмъ выбраться на свѣтъ Божій и стать очевидностью. И представьте, что не было-бы Путаницы, что фактическая правда, не запутанная подробностями, была бы ясна и очевидна съ самаго начала. Не стало-бы не только романтическихъ пьесъ, но и реальныхъ. Безъ путаницы,—что былъ-бы «Гамлетъ»? Что открывать пришлось-бы ему въ дѣяніяхъ своей матери? И Отелло, не будь путаницы, не зналъ-бы мукъ ревности, и Лиръ, кабы не путаница, сразу почуялъ-бы Корделію. Все это путаница — своенравія, мнительности, ревности. Вся иллюзія отъ путаницы, весь насъ возвышающій обманъ. И такъ тяжело намъ жить безъ путаницы, что и до сихъ поръ, несмотря на всѣ завоеванія позивитизма, сохранился обычай въ морозную, снѣжную рождественскую ночь сидѣть у комелька и слушать запутанныя исторіи, и сказки—о томъ, чего не бываетъ, чего никогда не бываетъ, о сугробахъ снѣга, который намела вьюга, и о кучахъ небылицъ, что наметаетъ путаница. Потребность въ кособокихъ, кривыхъ, запутанныхъ путяхъ мысли и логики—и называется фантазіею, а если угодно, поэзіею, а коли хотите правду знать, то и искусствомъ.

Старый водевиль былъ комической сказкой—противоположеніемъ лирической и драматической сказки. Его сила была не только въ томъ, что онъ забавлялъ, но и въ томъ, что онъ выбивалъ нашу мысль

„КРИВОЕ ЗЕРКАЛО“.

„Зачарованный лѣсъ“. Шуточн. балетъ Л. Гебена.
Прима-балерина (г. Икаръ) и Принцъ (г. Мальшетъ).

изъ размѣренныхъ, расчисленныхъ путей фактической, документальной достовѣрности; что появлялась Путаница въ темно-зеленой шубкѣ и съ горностаевой муфтой и путала, путала, путала. Если-бы А. не приняли за Б.—не было-бы водевиля. Зачѣмъ А. и принимать-то за Б. въ дѣйствительности? Нѣтъ никакой нужды! Но вы понимаете, что жизнь сталабы непроходимо скучной, если-бы А. всегда казался именно тѣмъ, что онъ есть.

Дикари, по разсказамъ путешественниковъ, смѣются, когда видятъ, какъ человѣкъ пишетъ. Смѣются надъ всѣмъ страннымъ, неожиданнымъ, непонятнымъ, надъ контрастами и противоположеніями. И по мѣрѣ того, какъ уясняются связь вещей, логика жизни, механизмъ событій—смѣха становится меньше. Ужъ не смѣется дикарь надъ манипуляціями пишущаго человѣка, ибо понялъ значеніе процесса писанія. Понялъ, а сталъ-ли счастливѣе? Вотъ и я думаю, что врядъ-ли мы стали счастливѣе отъ того, что пережили старый водевиль. Мы, въ сущности, задали только большую и труднѣйшую задачу Путаницѣ. Но она все та же, наша всегда желанная гостья, которой мы отъ души желаемъ успѣха—напутать такъ, чтобы намъ было что распутывать, и распутавши, благодарить Путаницу за доставленное удовольствіе.

Но въ старомъ водевилѣ было еще нѣчто, кромѣ граціозной и шаловливой Путаницы, не переобремененной, подобно Путаницѣ нашихъ дней, ни сатанизмомъ à la Гюисмансъ, ни демонизмомъ à la Андреевъ, ни гашишемъ à la Бодлэръ или По. Было нѣчто истинно театральное—слитность элементовъ музыки и танца со словомъ, чего теперь нѣтъ. Словесная пухлощекость убила всѣ элементы театра, кромѣ словеснаго, о чемъ я уже писалъ неоднократно. Въ жизни такъ зря, здорово живешь, не танцуютъ и не поютъ,—оттого драматическому актеру незачѣмъ ни пѣть, ни танцовать, а достаточно говорить. Но и самое искусство сценической рѣчи, декламація актера, страдаютъ отъ того, что пѣніе и танецъ изгнаны изъ реалистическаго театра. Интонаціямъ актера не хватаетъ музыкальности, его рѣчи—ритмики, движеніямъ—пластики. Всѣ наши «корифеи»—Савина, Давыдовъ, Варламовъ и мн. др.—выросли на старинномъ водевилѣ, и пѣли, и танцовали. Какъ пѣли, какими голосами—другой вопросъ, но всегда музыкально вѣрно, и эта точность интонаціи, музыкальность ея, и гибкость голоса, и способность, при самыхъ незначительныхъ средствахъ, переходить отъ forte къ piano,—у нихъ отъ старыхъ водевильныхъ упражненій. Да и дикція—тоже. Какъ выразился Коклэнъ, на сценѣ не говорятъ, а «сказываютъ». Чеканность дикціи, раздѣльность звука, фонетическая ясность, ритмъ самаго слова—не только фразы—эта своеобразная, чарующая, одновременно искусственная и простая, дробность рѣчи,—все это давалось старинамъ куплетомъ. Вотъ на представленіи «Путаницы» въ Маломъ театрѣ была такая одна исполнительница, г-жа Карчагина, передававшая въ совершенствѣ свой куплетъ. Она, конечно, выросла на водевилѣ. Непремѣнно. Этого мастерства нельзя достигнуть иначе, какъ упражненіемъ въ куплетахъ. То, о чемъ манерно говорятъ «модернистскіе» режиссеры, о какой-то странной рѣчи, падающей, какъ «тяжелыя капли на дно колодца»,—давалъ старинный куплетъ. Слово жило—каждое слово въ отдѣльности, какъ самостоятельный организмъ. Теперь, на нашихъ сценахъ живутъ только фразы — слова-же, что омертвѣлыя клѣтки, безжизненныя части цѣлаго аггрегата.

И знаете, что я вамъ скажу—мнѣ нисколько не

„КРИВОЕ ЗЕРКАЛО".

„Роза и Василекъ", Л. Урванцова.
Роза (г-жа Волховская). Рис. А. Любимова.

казалось страннымъ, что сейчасъ актеры разговаривали, а сейчасъ стали декламировать и напѣвать куплеты подъ музыку. Конечно, это «неестественно» и «неправдоподобно», чтобы вдругъ вышли люди впередъ, и выстроившись въ шеренгу, запѣли подъ аккомпанементъ какой-нибудь шаловливой польки. Да вѣдь мало-ли что «неестественно» и «неправдоподобно»! Правдоподобно-ли, чтобы рождественская вечеринка, которая тянется часовъ 5—6, продолжалась на сценѣ полчаса? Однако мы съ этими условностями свыклись.

Вся исторія эстетики есть, въ сущности, процессъ приспособленія къ условностямъ искусства, къ затѣямъ нашей милой Путаницы—фантазіи. Постепенно привыкаютъ, потомъ отвыкаютъ, потомъ снова возвращаются. И мнѣ думается, что «психологически» уже назрѣлъ или, по крайней мѣрѣ, назрѣваетъ моментъ, когда въ драму войдетъ музыка, въ комедію куплетъ и танецъ. Конечно, les jours se suivent mais ne ressemblent pas. Старый «дядюшка Водевиль», такимъ, какимъ его зналъ «годъ сороковой», въ манишкѣ, похожей на жабо, узкихъ брючкахъ и синемъ сюртукѣ или полуфракѣ въ талію, со смѣшно подрыгивавшею ножкою, умеръ. Но возродится его внукъ или внучатный племянникъ, одновременно и похожій и непохожій на покойнаго «дядюшку».

Въ драмѣ и поютъ, и играютъ. Въ «Черныхъ маскахъ» Л. Андреева, произведшихъ на меня смутное и довольно досадное впечатлѣніе, единственно пріятнымъ, красивымъ исключеніемъ были для меня

музыка В. Каратыгина и балъ масокъ въ 1-ой картинѣ. И какъ это ни странно, но и въ «Анатэмѣ» единственное, что мнѣ показалось въ постановкѣ дающимъ представленіе о какой-то бездонности времени и пространства и, утопающихъ въ бездонности этой, вопросахъ, былъ странный, глухой, мѣрный звукъ натянутой струны чудовищнаго контрабаса, который доносился изъ-за вратъ, охраняющихъ входы. Звуки вторгаются въ драму—можетъ быть, наоборотъ: драма вторгается въ область звуковъ. И ловкіе поставщики ходовыхъ пьесъ хорошо поняли это: у нихъ всегда въ нужные моменты играютъ на роялѣ, поютъ пѣсни, танцуютъ, и вялое настроеніе внезапно приподнимается, словно публикѣ поднесли по чарочкѣ крѣпкаго «допинга».

Я уклонился отъ первоначальнаго сюжета замѣтокъ—отъ милой и очаровательной Путаницы. Но дѣло въ томъ, что и это, т. е. пѣніе, музыка, пляска—входитъ въ программу Путаницы. Путаница говоритъ: «это слишкомъ просто и понятно—давайте пѣть: станетъ загадочнѣе». Или: «это банально, общеизвѣстно, ариѳметически ясно—нужно танцовать: станетъ замысловатѣе».

Путаница кроитъ моду для голой дѣйствительности, и сквозь прошивки, кружева Путаницы, мы угадываемъ формы и линіи реальности...

Путаница—это сонъ жизни, сладчайшій мигъ бытія. Впечатлѣнія реальности смѣшиваются, перепутываются, сплетаются, и въ пестромъ узорѣ сновидѣнія мы находимъ истому счастья.

Homo novus.

Хроника—продолженіе.

Александринскій театръ. Новая пьеса Е. П. Карпова, поставленная въ Александринскомъ театрѣ въ бенефисъ вторыхъ артистовъ Императорскихъ театровъ, трактуетъ бытъ, нѣсколько иной, чѣмъ тотъ, который рисовалъ по преимуществу Е. П. Карповъ до сихъ поръ. „Свѣтлая личность“ далека отъ простонароднаго быта. Единственной связью съ прошлымъ являются только два крестьянскихъ парня, внимательно слѣдящихъ со стороны, какъ вкусно и хорошо обѣдаютъ господа, съ большимъ вкусомъ уставившіе обѣденный столъ на чистомъ воздухѣ. Вотъ эти крестьяне, да еще разговоры о пожарахъ, о томъ, какъ въ разныхъ мѣстахъ горятъ помѣщичьи усадьбы, напоминаютъ нѣсколько „Народническій театръ“ Е. П. Карпова. Бытовая сфера новой пьесы г. Карпова—среда богатыхъ бюрократовъ, дѣльцовъ, играющихъ на биржѣ и занимающихся еще болѣе вѣрными выгодными операціями. Тутъ распредѣляются нефтеносные участки, раздаются поставки на рельсы, всякаго рода заказы, конечно, казенныя. Въ центрѣ пьесы стоитъ, конечно, женщина. По типу, это нѣчто вродѣ Ольги Штейнъ, но только покрупнѣе. И М. Г. Савина, выступившая въ этой роли, дала очень интересный типъ. Женщина съ большими связями, еще достаточно молодая, обаятельная, умная и ловкая, она всѣ свои таланты, всѣ свои связи реализируетъ въ „наличность“. У нея мужъ, глупый, тупой человѣкъ, яко бы нѣсколько болѣе правый, чѣмъ союзъ русскаго народа. Его она проводитъ въ Госуд. Думу „депутатомъ“, и тотъ искренно недоумѣваетъ, что его „выбрали“. Въ числѣ ея любовниковъ имѣется самъ „генералъ“ (г. Далматовъ), отъ котораго зависитъ все. Она эксплуатируетъ его отношенія къ себѣ какъ только хочетъ, и въ концѣ концовъ, эта „свѣтлая личность“, воображающая, что онъ служитъ правдѣ, что онъ все дѣлаетъ для блага Россіи—этотъ человѣкъ запутывается въ такую грязную исторію, изъ которой для него только одинъ выходъ—отставка. Е. П. Карпову удалось нарисовать картину этого бюрократическаго муравейника довольно искусно и, потому, хотя пьеса носитъ характеръ больше фельетона, но все же смотрится съ интересомъ. Конечно, не мало способствуетъ этому ея злободневность. Такихъ пьесъ, навѣрно, сенаторъ Гаринъ въ своихъ дѣлахъ везетъ не малое количество. А недавній запросъ въ Думѣ по дѣлу объ отводѣ постоянныхъ участковъ егерм. Мамонтову и ген. Сенявину?

Нужно отдать справедливость, пьеса была и поставлена и разыграна отлично. Не говоря уже о г-жѣ Савиной, все время почти не сходившей со сцены, очень интересенъ былъ г. Давыдовъ въ роли провинціала-помѣщика, пріѣхавшаго въ столицу устраивать свои дѣла. Г. Аполлонскій, въ роли любовника, былъ нѣсколько каррикатуренъ. Почему онъ далъ такого рамоли? Какой-же это любовникъ, который еле ходитъ? А вѣдь этой дѣловой женщинѣ онъ ни на какія другія дѣла и не требовался. Мила была въ роли молоденькой свѣтской дамы г-жа Стравинская. Г-жа Шувалова нѣсколько преувеличила экзальтированность молодой дѣвушки, влюбленной въ энергичную дѣловую даму. Пьеса имѣла несомнѣнный успѣхъ. Автора вызывали, начиная со второго дѣйствія, и поднесли ему два лавровыхъ вѣнка. *Б.*

* * *

Буффъ. Послѣдняя новинка—„Графъ Люксембургъ“ принадлежитъ перу Франца Легара, который послѣ „Веселой вдовы“—очевидно пришпоренный ея головокружительнымъ успѣхомъ—обнаружилъ электрическую быстроту творчества и далъ цѣлый рядъ опереттъ. Увы, мелодической свѣжести у Легара не надолго хватило, и сейчасъ онъ только повторяется, предлагаетъ публикѣ вторыя изданія своихъ, сначала такъ очаровавшихъ изысканнымъ изяществомъ, напѣвовъ. Въ музыкѣ „Люксембурга“, правда, зачастую скользятъ то плѣнительно-томные, то кокетливо-игривые мотивы (такова, напр., „непрерывная лента“ вальса, красиво распускающаяся въ дуэтахъ оперетты), но это уже не даетъ впечатлѣнія оригинальности, уже напоминаетъ слышанное раньше—„Вдову“ и ея многихъ родственницъ до „Разведенной жены“ включительно. Если однако не быть такимъ „злопамятнымъ“—то „Люксембурга“ можно слушать съ искреннимъ удовольствіемъ, какъ вещь тонкаго и изящнаго мастера, знающаго, чѣмъ взять публику, прекрасно владѣющаго красивыми звуковыми контурами и прозрачно-нѣжными красками музыкальной палитры. О сюжетѣ можно не распространяться. Графы, князья, художники, пѣвицы, натурщицы—любовь въ различныхъ порціяхъ и комбинаціяхъ, qui pro quo и счастливая развязка—словомъ, все, что полагается „по штату“ въ такихъ случаяхъ. Скажемъ все-таки, что интрига здѣсь развивается безъ особенно нелѣпыхъ натяжекъ и что мѣстами васъ не нужно усердно щекотать, чтобы вы снисходительно улыбнулись... Поставленъ „Графъ Люксембургъ“ съ достаточной тщательностью. Декораціи, костюмы, бутафорія—все свѣжее и эффектное. Пожалуй, слишкомъ кричащи и аляповаты краски въ обстановкѣ 2 акта, но изысканность вкуса—качество рѣдкое для нашихъ декораторовъ, и съ этимъ нужно мириться. Изъ исполнителей на первомъ мѣстѣ г. Полонскій. Его живой, искрящійся заражающимъ веселъемъ комизмъ—внѣ конкурса. И, право, совсѣмъ напрасно даровитый артистъ нажимаетъ педаль въ сторону пошловатаго фарса. И безъ такого „нажима“ лавры ему обезпечены. Г-жа Зброжекъ-Пашковская—весьма эффектная по внѣшности и туалетамъ примадонна. Но для пѣвицы парижской оперы, которую она изображаетъ, хотѣлось бы большей чистоты интонаціи въ пѣніи. Впрочемъ, хорошо уже и то, что артистка все-таки поетъ, т. е. имѣетъ „дѣеспособный“ голосъ, чего никакъ нельзя признать за многими первачами современной оперетки. Г-жа Рахманова дала милую, граціозную фигурку натурщицы. Жаль только, что г. Рутковскій на этотъ разъ былъ слабоватымъ партнеромъ: въ лицѣ г. Рутковскаго, юный, красивый художникъ вышелъ вялымъ и блѣднымъ. Интереснѣе въ заглавной роли г. Сѣверскій. Голосомъ своимъ онъ прекрасно распоряжается и прибавляетъ къ этому свободную, салонную манеру игры, благодаря которой охотно вѣришь его графскому титулу. Справедливость требуетъ отмѣтить г. Неклюдова въ маленькой ролькѣ француза-управляющаго отелемъ. Его французскій „прононсъ“ превосходенъ и даже вызвалъ апплодисменты. *В. Х.*

* * *

Екатерининскій театръ. Послѣдней новинкой является здѣсь нашумѣвшая пьеса покойнаго еврейскаго драматурга Як. Гордина—„Сатана“ („Сатана и человѣкъ“), про которую наивные одесситы писали, что она послужила темой для „Анатэмы“. Мало ли что и какъ говорятъ въ Одессѣ! Тамъ, напримѣръ, говорятъ: „двѣ большія разницы“. И точно „Сатана“ и „Анатэма“—это „двѣ большія разницы“.

„Сатана“ Якова Гордина не такъ страшенъ, какъ его малюютъ въ Одессѣ. Это банальный чортъ-искуситель, совращающій съ истиннаго пути благочестиваго еврея. Онъ хочетъ доказать Началу всѣхъ началъ, что совратитъ деньгами, богатствомъ бѣднаго писца Торы Гершеле. Чтобы удачнѣе выполнить эту трудную задачу, Сатана надѣваетъ „штатскій“ костюмъ, вторгается въ семью Гершеле и, разумѣется, достигаетъ очень многаго. Но къ великому огорченію „князя тьмы“ съ несчастнымъ грѣшникомъ Гершеле, въ самомъ послѣднемъ актѣ, вдругъ происходитъ переворотъ. Онъ ясно видитъ, что не въ деньгахъ счастье и, покаявшись, вѣшается.

Какъ видите, философія пьесы крайне дешевая. Притомъ, даже въ подробностяхъ Сатана Я. Гордина не оригиналенъ. Онъ сбивается то на Сатану изъ „Донъ-Жуана“, то на гетевскаго Мефистофеля. И гдѣ авторъ отступаетъ отъ вели-

кихъ образцовъ, онъ заставляетъ своего Сатану говорить рѣчи заправскаго „нечистаго".

Вообще, постороннее „вліяніе", чтобы не сказать большаго, очень чувствуется въ „Сатанѣ" Я. Гордина. Такъ, самая красивая сцена-прологъ — значительно обязана своей яркостью гр. Алексѣю Толстому. Это поразительно „точный" плагіатъ изъ пролога „Донъ-Жуана"! Но, конечно, Сатана Ал. Толстого—мудрый, ярко ядовитый скептикъ, полный глубокаго разъѣдающаго сарказма, а Сатана Як. Гордина злобствующій чортъ изъ Талмуда или средневѣковыхъ мистерій.

Не будучи ни уменъ, ни оригиналенъ, Сатана Я. Гордина претерпѣваетъ аварію, и неудивительно, что онъ оказался посрамленнымъ скромнымъ переписчикомъ Торы.

Вообще философская сторона—самая слабая часть пьесы Я. Гордина. Но когда онъ изображаетъ бытъ правовѣрныхъ евреевъ, то оказывается довольно интереснымъ этнографомъ. Эпизодическіе характеры у него наиболѣе удачны. Особенно выдержанъ и законченъ типъ старика Лейзера, неизмѣннаго балагура, непрестанно напѣвающаго:

— И подошелъ старикъ нашъ къ фляжкѣ,
Чтобы налить немножко бражки!

Сколь ни дѣтски-наивна общая концепція „Сатаны", но въ ея авторѣ чувствуется не лишенный дарованія драматургъ, которому нельзя отказать въ занимательности интриги и въ живомъ колоритномъ діалогѣ.

Эта сценичность, занимательность „Сатаны" дѣлаетъ ее интересной для нетребовательной публики, и въ Екатерининскомъ театрѣ пьеса имѣла несомнѣнный успѣхъ, несмотря на недостатки постановки. А постановка, дѣйствительно, оставляетъ желать лучшаго.

Прежде всего нельзя играть переведенную на русскій языкъ пьесу Я. Гордина съ еврейскими пѣвучими интонаціями и акцентомъ. Это вноситъ въ нее анекдотическо-этнографическій элементъ и заставляетъ публику хохотать въ самыхъ серьезныхъ моментахъ драмы.

Изъ отдѣльныхъ исполнителей интересно и ярко играетъ Сатану г. Угрюмовъ, хотя порой нѣсколько злоупотребляетъ мефистофельскимъ хихиканьемъ.

Естественна и мила г-жа Саратовская въ роли Фрейденю.

Совершенно не подходитъ къ роли Гершеля Дубровнера г. Муравьевъ. Во-первыхъ, онъ еще слишкомъ молодъ, а во-вторыхъ, у него нѣтъ нужной для этой роли мощи и силы переживаній. Безцвѣтенъ Смирновъ, играющій Хацкеля.

Относительно недурно игралъ на этотъ разъ г. Печоринъ, въ яркой роли Лейзера.

Одно несомнѣнно: черти нынче въ модѣ.

Серпій Т—въ.

* * *

Театръ Пассажъ. Новая опера (?) Легара „Мужъ трехъ женъ" оказалась пьесой во всѣхъ отношеніяхъ плохой и скучной. Фарсовый сюжетъ, весь изложенный въ заголовкѣ пьесы, баналенъ и неудачно использованъ авторомъ. О музыкѣ не приходится даже говорить. Изъ оркестра доносятся до публики или неудобоваримый шумъ или мало интересные речитативы. Артисты, видимо, старались спасти пьесу, но имъ это не удалось. Публика съ перваго акта стала скучать и залъ постепенно пустѣлъ. Эта опера была поставлена ради имени популярнаго Легара, но разсчетъ былъ неудаченъ.

Л. У.

* * *

Пятый сезонъ функціонируетъ въ Петербургѣ въ залѣ Гражданскихъ Инженеровъ, основанный г-жей Соважъ-Комаровой, любительскій кружокъ, носящій названіе „Искорка". Съ нынѣшняго сезона драматическій отдѣлъ кружка порученъ молодой артисткѣ М. А. Борисовой, успѣшно справляющейся со своей нелегкой задачей. Даже такія сложныя пьесы, какъ „Фру-фру", „Шехеразада" и др. шли подъ режиссерствомъ г-жи Борисовой болѣе чѣмъ гладко. Кромѣ г-жи Борисовой среди исполнителей слѣдуетъ отмѣтить г-жъ Растову, Левицкую, гг. Громова и Нѣгина. Въ концертныхъ отдѣленіяхъ съ успѣхомъ выступаютъ такъ же г-жа Борисова (декламація), баритонъ г. Н. и другіе. Нельзя не отмѣтить г-жу Соважъ-Комарову—прекрасную піанистку и чуткую, опытную аккомпаніаторшу.

* * *

Четвертый концертъ Зилоти заключалъ въ себѣ много интересныхъ произведеній. Варіаціи Эльгара и испанская рапсодія Равеля, хотя и извѣстны по предыдущимъ концертамъ, но, благодаря оригинальности этихъ вещей и необычайности музыкальныхъ пріемовъ, особенно въ пьесѣ Равеля, всегда являются желанными на программѣ. Наша публика начинаетъ цѣнить современную изысканную музыку. Исполнявшіеся въ 1-й разъ „Danse sacre e danse profane" Дебюсси съ рискованными гармоническими сочетаніями имѣли успѣхъ. Фортепіанную партію въ нихъ исполнилъ Романовскій, съ должнымъ пониманіемъ стиля. Гвоздемъ программы явились прелестныя вещицы Лядова. „Волшебное озеро" проникнуто таинственнымъ сказочнымъ настроеніемъ. „Кикимора", его-же, рисуетъ народное сказаніе. Въ области фантастики Лядовъ большой мастеръ. Вспомнимъ его „Бабу-Ягу". Какъ тамъ, такъ и здѣсь, въ этой миніатюрѣ, блестяще разработанъ рядъ пріемовъ, живописующихъ крохотную злую кикимору съ ея стукомъ, свистомъ, шипѣніемъ. По общему требованію, этотъ номеръ былъ повторенъ, и авторъ вызванъ и горячо привѣтствуемъ. Солистъ вечера, скрипачъ Бродскій, сыгралъ концертъ Чайковскаго съ нѣсколько преувеличенными штрихами и подчеркиваніями. Замѣтно, что годы даютъ себя знать въ игрѣ знаменитаго въ свое время исполнителя. Ему былъ посвященъ концертъ Чайковскаго.

В. С.

* * *

Въ 3-мъ экстренномъ концертѣ Зилоти дебютировалъ предъ здѣшней публикой Вильгельмъ Менгельбергъ. Онъ—первокласснаго дирижеръ, обладаетъ большой увѣренностью, знаніемъ, опытомъ и сильнымъ темпераментомъ. Послѣднее качество ярко проявилось въ финалѣ 5-й бетховенской симфоніи. Голландецъ по происхожденію, Менгельбергъ давно пользуется популярностью, какъ у себя на родинѣ, такъ и въ Германіи. Рих. Штраусъ посвятилъ ему свою лучшую вещь „Жизнь героя", которую въ этомъ концертѣ безукоризненно прекрасно провелъ талантливый дирижеръ. Среди сложнаго полифоническаго рисунка отчетливо выдѣлялись всѣ темы, въ сценѣ битвы были выдѣлены группы струнныхъ и деревянныхъ инструментовъ, обыкновенно сильно теряющихся въ ревѣ мѣдныхъ. Съ большимъ проникновеніемъ въ духѣ симфоніи былъ переданъ лирическій конецъ ея. Verwandlungs-Musik и заключительная сцена изъ 1-го акта „Парсифаля" прошла съ должнымъ настроеніемъ, хотя отсутствіе въ концѣ мужского хора, замѣненнаго мѣдными инструментами, даетъ себя сильно чувствовать. Когда мы услышимъ его сценическую постановку? Въ Амстердамѣ „Парсифаль" прошелъ съ большимъ успѣхомъ подъ управленіемъ этого дирижера! Менгельбергъ сразу завоевалъ себѣ расположеніе публики и, несомнѣнно, будетъ у насъ желаннымъ гостемъ.

В. С.

Письма въ редакцію.

М. г. Не зная адреса М. Н. и П. М. Рязановыхъ, прошу Васъ не отказать помѣстить слѣдующее сообщеніе, касающееся ихъ интересовъ.

Въ минувшемъ лѣтнемъ сезонѣ гг. Рязановы служили въ театрѣ Пензенской Сельско-хоз. выставки, въ труппѣ, организованной г. Монастыркинымъ.

Послѣдній не доплатилъ содержанія многимъ артистамъ, и къ нему былъ предъявленъ искъ.

Въ настоящее время этотъ искъ удовлетворенъ, и на отчисленія, сдѣланныя полиціймейстеромъ изъ сборовъ, наложенъ арестъ.

Изъ этихъ отчисленій на долю Маріи Николаевны приходится 68 рублей, и на долю Павла Мих.—48. Гг. Рязановы выдали Вѣрѣ Владиміровнѣ Тариховой довѣренность на *полученіе* причитающейся имъ суммы. Между тѣмъ засвидѣтельствованная довѣренность должна быть выдана на *взысканіе*, безъ чего, по формальнымъ причинамъ эти 116 руб. не могутъ быть истребованы. Не сомнѣваясь, что каждая труппа получаетъ „Театръ и Искусство", я все-таки прошу гг. артистовъ, которымъ знакомо мѣстопребываніе въ настоящее время гг. Рязановыхъ, увѣдомить послѣднихъ о содержаніи моего письма, если бы по какимъ-либо случайнымъ причинамъ оно не дошло до свѣдѣнія самихъ гг. Рязановыхъ.

Примите и пр. *Ип. Федоровъ.*

М. г. Позвольте черезъ посредство вашего уважаемаго журнала передать слѣдующій характерный въ театральной жизни фактъ.

По просьбѣ артистки театра „Гиньоль", С. П. Волгиной, я написалъ одноактный этюдъ „Долгъ чести" и отдалъ его въ Литейный театръ.

Черезъ опредѣленный промежутокъ времени вопросъ о постановкѣ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, но ни начало репетицій, ни день спектакля назначенъ не былъ; помню даже,—мнѣ сказали, что вещица эта пойдетъ на святкахъ.

И вотъ, 20 декабря, ночью, совершенно случайно, я узнаю, что въ этотъ именно вечеръ состоялось первое представленіе этого этюдика. Я былъ ошеломленъ! Правда, я не слѣжу за этимъ театромъ по газетамъ, но я считалъ себя въ правѣ надѣяться на нѣсколько иное отношеніе театра и къ авторамъ и къ пьесамъ и полагалъ, что дирекція театра пригласитъ меня, какъ на распредѣленіе ролей, такъ и на репетиціи, и ужъ во всякомъ случаѣ извѣститъ о днѣ перваго представленія.

Ничего подобнаго, однако, въ Литейномъ театрѣ не нашли нужнымъ сдѣлать, и я впервые видѣлъ свою пьесу на второмъ ея представленіи (21-го декабря) и въ такомъ исполненіи, что въ тотъ же вечеръ снялъ ее съ репертуара.

Увѣренъ,—я не допустилъ бы ея постановки вовсе, если бы своевременно зналъ, какъ распредѣлены роли. Вѣдь отдавая вещицу въ театръ, я давалъ только *принципіальное* согласіе и вовсе не выдавалъ carte blanche на какое угодно съ нею обращеніе.

Находя такое отношеніе Литейнаго театра по меньшей мѣрѣ некорректнымъ, я считаю себя въ правѣ огласить этотъ случай въ печати. *А. Кайдаровъ.*

М. г. Не желая поставить себя въ неловкое положеніе, позвольте черезъ посредство вашего уважаемаго журнала, снять съ себя отвѣтственность за безцеремонное рекламированіе меня г. Нехлюдовымъ въ афишахъ и газетахъ гор. Одессы, артисткой моск. Художеств. театра. Я никогда не служила въ моск. Художественномъ театрѣ и на присвоеніе мнѣ званія артистки этого театра, согласія г-ну Нехлюдову не давала. Это было имъ сдѣлано безъ моего вѣдома и даже до моего пріѣзда въ гор. Одессу. Прим. и проч. *А. Нежданова.*

М. г. Въ послѣднемъ номерѣ вашего уважаемаго журнала, въ корреспонденціи изъ гор. Одессы, сообщено о закрытіи моихъ курсовъ.

Ничего подобнаго не было. Курсы существовали и существуютъ. Пр. и пр. *П. Скуратовъ.*

М. г. Въ № 50 журнала, г. Невѣдомовъ, пишетъ между прочимъ, что режиссеръ избилъ помощника, — это не точно. Выражаясь мягко, режиссеръ посягнулъ на мое человѣческое достоинство, за что, въ тотъ же мигъ, получилъ наглядный примѣръ, какъ опасны для самого посягнувшаго подобные эксперименты. Кстати, это должно послужить хорошимъ урокомъ для всѣхъ любителей дикихъ расправъ.

Пр. и пр. Помощникъ режиссера Орловск. город. театра *Г. А. Вербаковъ.*

М. г. На амплуа героинь въ товарищество мною была приглашена артистка Нина Леонидовна Вечерина на жалованье 100 руб. въ мѣсяцъ. Не смотря на то, что дѣла товарищества были далеко не блестящія и первые персонажи вырабатывали 40—45 руб. въ мѣсяцъ, жалованье г-жѣ Вечериной выплачивалось самымъ аккуратнымъ образомъ. Г-жа Вечерина на правахъ „премьерши“ пожелала играть въ пьесѣ „Дѣти“ Жуковской, роль Дада—16-ти лѣтней энженю и когда ей въ этомъ было отказано, она сорвала спектакль, отказавшись играть роль Фени въ драмѣ Бѣлой „Гонимые“. 16 декабря за 8 дней до срока уплаты жалованья, не считая 5 льготныхъ дней, получивши уже въ счетъ мѣсячнаго жалованья 60 руб., г-жа Вечерина заявила, что если ей 24-го не будетъ уплачено все сполна, она выходитъ изъ состава товарищества. Считаю своимъ долгомъ замѣтить, что уплата жалованья г-жѣ Вечериной производилась поспектакльно отъ 5 до 8 и даже 10 руб. и что до конца мѣсяца плюсъ 5 льготныхъ дней предполагалось 9 спектаклей. Чаша терпѣнія переполнилась и я вынужденъ былъ отказать г-жѣ Вечериной отъ службы, на что она охотно согласилась, но потребовала, чтобы и артистъ товарищества г. Невѣровъ не игралъ больше въ спектакляхъ товарищества. Г. Невѣровъ занималъ первое положеніе и, состоя въ товариществѣ на маркахъ, при вступленіи получилъ авансъ и имѣлъ денежныя обязательства какъ по отношенію ко всему товариществу, такъ и отдѣльнымъ лицамъ. Уходя изъ товарищества, онъ нанесъ всей корпораціи и матеріальный ущербъ (не пожелавъ уплатить свой долгъ свыше 35 р.) и художественный, срывая цѣлый рядъ спектаклей, что при сыгранномъ и срепетированномъ репертуарѣ гибельно отразится на дѣлѣ. Возмущенные подобными поступками считаемъ своимъ долгомъ выразить публично г-жѣ Вечериной и г. Невѣрову свое глубокое негодованіе.

Распорядитель товарищества В. Реневъ. Члены товарищества: Н. Кочевой, О. Анненская, В. А. Безсоновъ, О. Михайлова, А. Виноградовъ, Н. Клавдинъ, Н. Бибикова, Е. Д. Гаринъ, В. С. Ланской, М. Кручинина.

М. г. Не имѣя возможности лично благодарить всѣхъ, почтившихъ меня привѣтствіями въ день моего юбилея, приношу глубокую благодарность. День этотъ принесъ мнѣ много радости и надолго будетъ памятенъ. *З. Малиновская.*

М. г. Я хочу разсказать свою исторію товарищамъ и обществу, потому что, въ своемъ обращеніи къ общественному мнѣнію, я вижу единственный способъ борьбы съ произволомъ и оскорбленіемъ, которому подвергаюсь я, какъ актеръ—и въ моемъ лицѣ искусство, которому я служу. Дѣло въ слѣдующемъ. На почвѣ мелкихъ закулисныхъ непріятностей, которымъ не мѣсто въ этомъ письмѣ, мои отношенія съ антрепренеромъ г. Левантомъ испортились, и наше личное знакомство не могло продолжаться. Эти личные счеты я не связывалъ съ возможностью какого-либо иного отношенія съ моей стороны къ моей работѣ въ „Новомъ драматическомъ театрѣ“, чѣмъ то, которое я проявлялъ раньше. Дѣло оставалось и остается для меня по прежнему дорогимъ и ему я готовъ служить всѣми моими силами. Я считаю, что служу дѣлу—а не лицу.

Я думалъ, что таково отношеніе къ „Новому драматическому театру“ и г. Леванта. На дѣлѣ не то. Не имѣя возможности на почвѣ формальнаго права вычеркнуть меня изъ списка труппы, г. Левантъ прибѣгаетъ къ слѣдующему способу борьбы со мною и сведенія личныхъ счетовъ: приказываетъ снять меня совершенно съ репертуара и этимъ фактически устраняетъ меня отъ работы. И это послѣ того, какъ я сыгралъ 12 разъ „Дни нашей жизни“ (Глуховцевъ), 28 разъ „Анфису“ (Костомаровъ) и „Анатэму“ 18 разъ къ ряду (Анатэма). Есть ли въ поступкѣ г. Леванта уваженіе къ дѣлу, „во главѣ“ котораго онъ стоитъ? Гдѣ этика въ отношеніи сотрудниковъ?

Мы являемся, очевидно, простыми наемниками, слугами, которыхъ наказываютъ по собственному усмотрѣнію. На смарку идетъ вся подготовительная и послѣдующая работа, которую пришлось нести при такомъ репертуарѣ; тебя просто выкидываютъ за бортъ, не считаясь съ тѣмъ, что даетъ артистъ дѣлу и публикѣ. Если я невѣрно думаю и чувствую, пусть общество и третейскій судъ, къ которому я думаю прибѣгнуть, мнѣ скажутъ это: отъ этого суда, я надѣюсь, г. Левантъ не уклонится. *М. Я. Муратовъ.*

М. г. Будьте добры напечатать письмо о возмутительномъ поступкѣ артистки Варвары Николаевны Стронской-Якимовой. Она была приглашена въ товарищество на амплуа инженю-драматикъ. Получивши авансъ 12 руб., послѣ перваго спектакля затѣяла ссору изъ-за того, что была приглашена любительница для спасенія дѣла, и въ результатѣ выжила любительницу и сама тоже отказалась продолжать дѣло. Оставила труппу безъ актрисы и уѣхала, не уплативъ аванса, чѣмъ поставила труппу въ безвыходное положеніе.

Артистка Фулковская, артисты: Ардатовъ, Колотиловъ-Князевъ, Гранатовъ. 1909 г. ст. Бологое.

Маленькая хроника.

*** Вагонъ-театръ. Съ поѣздами-экспрессъ между Парижемъ и Мадридомъ совершаетъ рейсы вагонъ-театръ. Зрительный залъ вагона-театра вмѣщаетъ около 80 человѣкъ. Лѣвая сторона зала отведена для дамъ, которымъ не возбраняется сидѣть въ шляпахъ. Справа сидятъ мужчины. На сценѣ вагона-театра ставятся исключительно фарсы, исполненіе которыхъ требуетъ не свыше шести человѣкъ артистовъ.

*** Курьезный анонсъ въ одесскихъ газетахъ: „Театръ Островскаго“. Въ 1-й разъ сенсаціонное „Кабарэ у Островскаго“. Дожилъ покойничекъ!

*** Не разъ въ печати приводились случаи, по истинѣ, трагическаго положенія актера, не смѣющаго, какъ солдатъ на посту, срывать спектакль и обязаннаго весело играть, когда дома у него умираетъ отецъ, мать или кто-либо изъ близкихъ. Вотъ недавній случай. Артистъ опереточной труппы „Пассажа“ г. Азровъ въ день представленія „Веселой вдовы“ получилъ телеграмму о смерти отца и тѣмъ не менѣе вынужденъ былъ играть роль Данилы. Самое любопытное и прискорбное это то, что имѣющіеся въ труппѣ два другихъ исполнителя этой роли — гг. Августовъ и Грековъ, не желая выступать въ утреннемъ спектаклѣ (пьеса шла утренникомъ), подъ разными предлогами „блистали отсутствіемъ“. За то „честь“ „премьеровъ“ была спасена.

*** Изъ воспоминаній г-жи Натаровой въ „Театр. Днѣ“ о первомъ представленіи „Грозы“.

„Въ виду того, что въ городѣ не прекращались разговоры о скабрезности пьесы, ее пожелала видѣть одна очень высокопоставленная особа.

Она пріѣхала на третье представленіе, въ сопровожденіи тогдашняго директора театровъ Сабурова.

Сабуровъ отъ страха, что пьеса не понравится высокопоставленной особѣ, даже забылъ надѣть бѣлый галстукъ, и долженъ былъ взять его въ театрѣ. Во время спектакля онъ стоялъ все время за кресломъ высокопоставленной особы и объяснялъ ходъ дѣйствія, а въ антрактахъ прибѣгалъ за кулисы и спрашивалъ: что дальше будетъ? Что эта женщина будетъ дѣлать?

Передъ сценой Кудряша и Варвары онъ приказалъ, чтобы не было поцѣлуевъ...

Во второмъ антрактѣ ему сказали, что Катерина будетъ каяться.

— Каяться? Очень хорошо!

Въ третьемъ антрактѣ, узнавъ, что Катерина будетъ топиться, онъ обрадовался:

— Великолѣпно!“

Пьеса, впрочемъ, противъ ожиданія, очень понравилась высокопоставленной особѣ.

*** Въ № 719 „Тамбовскаго Края“ напечатана замѣтка о предстоящемъ бенефисѣ артистки труппы И. В. Погуляева—Ю. Ю. Славской. Ставя въ укоръ публикѣ невниманіе къ прежнимъ бенефиціантамъ, которымъ пришлось „приплатить на бенефисъ свои „потовые“ трудовые 75 руб.“, газета пытается слѣдующимъ примѣромъ усовѣстить публику:

„Отзывчивый хозяинъ губерніи—Н. П. Муратовъ—да послужитъ примѣромъ добраго отношенія и вниманія къ нашимъ дорогимъ гостямъ—артистамъ труппы: 26-го сего ноября, въ день спектакля для георгіевскихъ кавалеровъ, когда шла пьеса „Измаилъ“, Николай Павловичъ, отличающійся выдающейся галантностью (Sic!), прошелъ за кулисы и съ цѣлью выразить благодарность, любезно познакомился со всѣми артистами труппы! Чѣмъ, конечно, всѣ были обворожены!

Какъ знатокъ искусства, нашъ начальникъ губерніи умѣетъ отличить и поддержать хорошее“.

Подписано — „Рецензентъ“.

И губернаторъ „галантенъ“, да и рецензентъ — тоже.

По провинціи.

Баку. Труппа г. Каширина закончила свои спектакли въ Баку 20-го декабря. 22-го труппа выѣхала въ Батумъ, Эривань и др., а къ концу января предполагаетъ вернуться обратно въ Баку.

Гельсингфорсъ. Намъ пишутъ: „На-дняхъ произошелъ инцидентъ между директоромъ театра А. Н. фонъ-Купферомъ и одной изъ первыхъ артистокъ труппы.

Актеры просили пока (?) не писать объ этомъ.

Въ инцидентѣ все характерно: и презрительное отношеніе директора къ артисту, и отношенія антрепренера и режиссера къ происшедшему“.

Странно: „характерно“, а „просятъ не писать“.

Енакіево. Небольшая труппа драматическихъ артистовъ, во главѣ съ Дара-Вельскимъ и Дубецкимъ сняла на мѣсяцъ театръ въ Енакіевѣ, гдѣ спектакли начнутся съ Рождества.

Калуга. Труппа Д. И. Басманова 20 декабря заканчиваетъ спектакли и перекочевываетъ въ Полтаву. Театръ переходитъ въ руки г. Томскаго, формирующаго сейчасъ драматическую труппу. Несмотря на художественный успѣхъ, г. Басмановъ понесъ незначительный дефицитъ.

Кіевъ. Инцидентъ въ театрѣ „Соловцова“ на представленіи „Анатэмы“. Кіевскіе союзники сдѣлали попытку поскандальничать. Въ партерѣ, на галлереѣ и другихъ мѣстахъ театра, былъ разсыпанъ ими нюхательный табакъ. Одинъ изъ задержанныхъ, болѣе юный, въ формѣ ученика кіевскаго художественнаго училища, назвавшійся Лебедевымъ, съ пафосомъ заявилъ было помощнику полиціймейстера: „я не могу допустить постановки такой пьесы на сценѣ!“ O tempora, o mores! Инцидентъ закончился препровожденіемъ безобразниковъ въ участокъ.

— 20 декабря въ Окружномъ судѣ слушалось дѣло по иску владѣлицы театра „Бергонье“ М. М. Глѣбовой къ антрепренершѣ В. А. Линской-Неметти. Снявъ театръ „Бергонье“ съ 8 марта 1908 г. на 5 дней для спектаклей „Большого человѣка“ и переведя задатокъ, г-жа Линская-Неметти впослѣдствіи измѣнила планъ поѣздки и рѣшила перенести спектакли на апрѣль. На этой почвѣ между сторонами произошли пререканія, и спектакли труппы г-жи Линской-Неметти состоялись въ другомъ театрѣ—„Соловцовъ“. Искъ предъявленъ въ суммѣ: за пять спектаклей по 150 руб. согласно условію за каждый, и по 100 руб. за каждый спектакль, какъ доходъ отъ вѣшалокъ и биноклей,— всего на 1,250 руб.

Отвѣтчица указывала на то, что окончательнаго договора между сторонами еще не состоялось, а были лишь предварительные переговоры. Судъ съ этимъ не согласился. Для выясненія же размѣра доходности вѣшалки и биноклей судъ постановилъ допросить свидѣтелей.

Минскъ губ. Закончившая 6 декабря въ гор. театрѣ спектакли опереточная труппа г. Рафальскаго, сыгравъ 29 спектаклей, взяла на кругъ 337 руб.

Съ 26 декабря начнутся спектакли драм. труппы Е. А. Бѣляева, пріѣзжающей сюда изъ Житомира.

Новороссійскъ. Театръ на лѣто снятъ артисткой Истоминой. Формируется драма.

Оренбургъ. Намъ телеграфируютъ: „Городской театръ сданъ опять на два года Эстеррейху“.

Проскуровъ. Гастролировавшая здѣсь съ 4 по 8 декабря оперная труппа Г. О. Шумскаго сдѣлала на кругъ 200 руб.

Ростовъ-на-Дону. Намъ пишутъ: 15 декабря состоялся бенефисъ Н. Н. Рыбникова. Бенефиціанта очень принимали. Сборъ 800 рублей.

Къ Собольщикову-Самарину подписала на будущій сезонъ г-жа Кварталова.

Антрепренеръ Таганрогскаго театра Булатовъ подписалъ на будущій зимній сезонъ въ труппу С. И. Крылова въ Новочеркасскъ.

Г-жа Дарьялъ (жена Булатова) кончила на будущій сезонъ къ Дувану-Торцову въ Кіевъ.

Артисты нашей труппы С. Б. Писарева, Н. М. Раевская, Н. Н. Рыбниковъ, кончили на будущій сезонъ въ Новочеркасскѣ къ С. И. Крылову.

„Несравненная“ Вяльцева сбора не сдѣлала.

Саратовъ. Въ театрѣ Очкина съ 26-го декабря начнутся спектакли русско-малороссійской труппы подъ управленіемъ Льва Сабинина.

Ставрополь, губ. 13 ноября въ камерѣ уѣзднаго члена разбиралось интересное, въ бытовомъ смыслѣ, дѣло артиста Рѣшимова и антрепренерши Народнаго дома г-жи Луганцевой.

А. А. Рѣшимовъ на основаніи вывѣшеннаго въ бюро театр. общества объявленія: „Ставрополь губ. Нуженъ артистъ на роли неврастеника“, письменно обратился, изложивъ заочно и опредѣленно свои условія, къ управляющему труппой г. Судьбинину. Кромѣ того Рѣшимовъ указалъ въ письмѣ пьесы и роли, въ которыхъ онъ желалъ бы выступать.

Въ отвѣтъ на письмо г. Рѣшимовъ получилъ отъ Судьбинина съ оплаченнымъ отвѣтомъ телеграмму, которой онъ приглашался въ Ставрополь.

Въ первый же день, 27-го октября, пріѣзда дирекція театра заявила артисту, что онъ выписанъ по ошибкѣ, такъ какъ для театра нуженъ молодой человѣкъ, хорошо сложенный, интересный, т. е. „молодой человѣкъ пріятной наружности“, что совершенно не вяжется съ вывѣшеннымъ въ бюро объявленіемъ: „нуженъ артистъ на роли неврастеника“. Г. Рѣшимовъ требовалъ отъ дирекціи подписанія контракта и дебюта, но и то и другое почему-то оттягивалось. Спустя 8 дней по пріѣздѣ Рѣшимова, ему были предложены такія условія: сбавка жалованья почти на половину, выступать въ роляхъ по назначенію дирекціи.

Рѣшимовъ, не согласившись на предложенныя условія, возбудилъ искъ.

Со стороны истца свидѣтелями выступали вторые актеры: г. Ди-Крокко и помощникъ режиссера г. Гнадбергъ. Со стороны дирекціи г. Дорошевичъ и администраторъ г. Назимовъ.

Г-жа Луганцева показываетъ, что Рѣшимовъ не то лицо, за которое дирекція приняла его, введенная въ заблужденіе якобы неразборчиво подписаннымъ письмомъ. Рѣшимовъ, выступивъ 1 ноября въ пьесѣ „Тюрьма“ въ роли молодого рабочаго „ниже всякой критики“ провелъ свою роль, чѣмъ „провалилъ“ спектакль.

Г. Рѣшимовъ представилъ огромный матеріалъ прошлой своей сценической дѣятельности, изъ котораго ясно видно, что данное лицо есть именно тотъ Рѣшимовъ, который подписалъ письмо. Свидѣтели Рѣшимова показываютъ, что послѣ первой репетиціи, а потомъ, во время спектакля, послѣ второго акта „Тюрьмы“ дирекція высказывала одобрительные отзывы о г. Рѣшимовѣ.

Судья поднимаетъ вопросъ о значеніи дебюта (??): передъ кѣмъ долженъ дебютировать артистъ, какъ поступаютъ въ артистическомъ мірѣ въ томъ случаѣ, если дебютъ выйдетъ неудачный.

Судъ удовлетворилъ искъ Рѣшимова.

Но этимъ злоключенія А. А. Рѣшимова не закончились. Послѣ разбора дѣла мѣстное Общество Грамотности пригласило г. Рѣшимова принять участіе въ литературномъ вечерѣ. На бисъ г. Рѣшимовъ прочиталъ свою „импровизацію“, коснувшись, не называя именъ, „одного судебнаго процесса“. Его „импровизація“ была представлена губернатору въ такомъ освѣщеніи, что на слѣдующій же день г. Рѣшимовъ былъ административнымъ порядкомъ высланъ изъ предѣловъ Ставропольской губ.

Подлинно: исторія одной импровизаціи.

Харьковъ. Небольшой скандалъ разыгрался въ городскомъ театрѣ на „Анатэмѣ“. Одинъ изъ посѣтителей театра, сидѣвшій во 2-мъ ряду по контръ-маркѣ „Харьковскихъ Вѣдомостей“, началъ сильно негодовать по поводу пьесы и свистать. Шумѣвшій былъ препровожденъ въ полицейскій участокъ.

Черкассы. Съ 26-го декабря въ театрѣ Яровой открываются спектакли товарищества украинскихъ артистовъ подъ управленіемъ Э. П. Рудикова.

Письма изъ Казани.

Настоящій моментъ является рѣшающимъ вопросомъ о дальнѣйшей судьбѣ театральнаго дѣла въ Казани. Какъ извѣстно, до сихъ поръ каждогодно въ теченіе зимняго сезона въ казанскомъ городскомъ театрѣ играли двѣ труппы разновременно: первую половину сезона — оперная, вторую —

драматическая. Такое дѣленіе сезона вызывало необходимость въ обмѣнѣ труппами съ другими городами. Долгіе годы Казань обмѣнивалась труппами съ Саратовымъ, а послѣдній, текущій, годъ—съ Самарою. Противъ такой системы веденія театральнаго дѣла раздавались отдѣльные протестующіе голоса, указывавшіе, что нельзя безконечно Казани содержать „нахлѣбниковъ“ въ видѣ такихъ „малосильныхъ“ въ театральномъ отношеніи городовъ, какъ Саратовъ и Самара. Поддерживая это мнѣніе, мѣстная печать, главнымъ образомъ „Кам.-Вол. Рѣчь“, критикуя современное незавидное положеніе театральнаго дѣла въ Казани, указывала, что единственно вѣрный путь къ улучшенію—отказаться отъ дѣленія сезона, а сдать театръ подъ одну драму, оставивъ для оперы постъ и весну. Особенная настойчивость печати и сочувствіе мѣстнаго общества этому взгляду на театръ, въ концѣ концовъ, расшевелило городскую театральную коммисію и въ результатѣ рѣшено въ послѣдующіе три года не дѣлить сезона на двѣ половины, а въ первый и третій годъ сдать подъ драму и постомъ подъ оперу, а во второй годъ—подъ оперу и постомъ подъ драму. Но до сихъ поръ театръ не сданъ. Дѣло осложнилось возникновеніемъ новаго предложенія отъ той-же театральной коммисіи: не сдавать городского театра антрепренеру, а вести дѣло за счетъ города черезъ городскую дирекцію. Неожиданность и новизна этого проекта вызвали скептическое къ нему отношеніе, а когда обнаружилось, что у иниціаторовъ проекта нѣтъ разработаннаго доклада, то стала очевидной печальная участь симпатичнаго по идеѣ проекта. Въ засѣданіи городской думы 15 декабря докладъ театральной коммисіи потерпѣлъ фіаско; дума рѣшила сдать театръ антрепренеру. Кому именно?—этотъ вопросъ рѣшится на-дняхъ. Характерно отмѣтить, что театральная коммисія, предлагая вести дѣло хозяйственнымъ способомъ, не обѣщала городу барышей, а лишь главнымъ образомъ—„улучшеніе дѣла и постановку его на должную высоту“, но съ антрепренера предложила взять аренду 6.000 р. въ годъ, не освобождая его отъ обязанности тоже „улучшить дѣло и поставить на должную высоту“. Конкуренція претендентовъ на казанскій театръ, конечно, дастъ городу при желаніи не только 6,000 р., а гораздо больше. Но дѣло отъ этого не выиграетъ, а только пострадаетъ. Антрепренеры энергично добиваются аренды казанскаго театра и есть такія рѣшительныя предложенія, какъ аренда не 6,000, а 8,000 р. и согласіе „авансомъ“ на всѣ условія договора, которыя выработаетъ дума. Но, какъ теперь выясняется, дума едва-ли возьметъ больше 6,000 р. аренды. Итакъ эта сумма и безъ того является новымъ налогомъ на антрепренера.

Наибольшіе шансы изъ всѣхъ снимателей имѣетъ настоящій арендаторъ казанскаго театра Н. Д. Кручиннъ.

17 декабря 1909 г. *В. С.*

P. S. Въ дополненіе къ моему „Письму изъ Казани“ сообщаю, что казанскій городской театръ сданъ Н. Д. Кручинину на 3 года, аренда 6,000 р. въ годъ, причемъ дума постановила, что эти деньги должны идти *исключительно* на ремонтъ зданія театра.

Провинціальная лѣтопись.

САМАРА. 30-го ноября драматическая труппа городского театра прощалась съ Самарой бенефисомъ антрепренера Н. Д. Кручинина. Шла пьеса В. И. Немировича-Данченко „Счастливецъ“ и шаржъ Трахтенберга, изъ репертуара „Кривого Зеркала“, „Загадка и разгадка“. Театръ былъ почти полонъ, но проводы не носили сердечнаго характера. Вяло, словно нехотя, вызывали даже бенефиціанта и „любимцевъ“. У насъ „парадная“ публика всякихъ „торжественныхъ“ спектаклей „по бенефиснымъ цѣнамъ“ считаетъ ниже своего достоинства проявлять нѣкоторую экспансивность. Большую роль здѣсь играетъ неувѣренность въ своей критической компетентности: „Ну, какъ осрамишься, при нашемъ капиталѣ!“ И сидятъ съ глубокомысленнымъ видомъ египетскихъ мумій. Н. Д. Кручининъ кончилъ сезонъ въ Самарѣ, по словамъ лицъ близко стоящихъ къ антрепризѣ, съ убыткомъ около восьми тысячъ. Виноваты въ этомъ и „истинно-азіатское“ равнодушіе самарцевъ къ театру и, отчасти, самъ антрепренеръ, не сумѣвшій цѣлесообразно использовать всѣхъ силъ своей исключительно сильной (по провинціальной мѣркѣ, конечно) труппы. Создавались невозможныя условія работы: такія пьесы, какъ „Брандъ“ и „Донъ-Жуанъ“, ставились съ одной репетиціи, нанимались некультурные статисты съ улицы, превращавшіе въ пародію народныя сцены. Одни артисты выпускались почти каждый день (гг. Шорштейнъ, Колобовъ, Нѣмоевскій) часто въ совершенно „чужихъ“ имъ роляхъ, а другіе (гг. Бороздинъ, Лавровъ-Орловскій, Поморцевъ, Сашинъ, Мартовъ, Казарскій, даже г-жи Арсеньева и Вейманъ) почему-то „мариновались“ цѣлыми недѣлями. Какіе-то мелкіе закулисные счеты парализовали успѣхъ большого культурнаго дѣла, мѣшали его популярности среди немногочисленной, вялой, требующей упорной пробуждающей работы надъ собой, самарской театральной аудиторіи.

Послѣ отъѣзда труппы Н. Д. Кручинина, Народный домъ перешелъ къ вновь организованной драматической труппѣ, начинающей работать подъ руководствомъ извѣстнаго мѣстнаго капиталиста любителя П. Н. Арефьева и очень популярнаго въ Самарѣ бывшаго режиссера Народнаго дома В. М. Нѣгина (сценическая фамилія). Ядро труппы составлено изъ опытныхъ провинціальныхъ артистовъ, около которыхъ иниціаторы дѣла пытаются объединить лучшія мѣстныя силы. Режиссируетъ артистъ Имп. театр. г. Поморцевъ. Въ первый разъ эта труппа выступила 4-го декабря въ драмѣ Шпажинскаго „Въ старые годы“. Постановка произвела хорошее впечатлѣніе. Чувствуется „любовное“ отношеніе къ дѣлу и добросовѣстная, умная режиссерская работа. Спектакль прошелъ при полномъ сборѣ.

Съ шестого же декабря начались въ городскомъ театрѣ спектакли опернаго товарищества подъ управленіемъ В. С. Севостьянова, пріѣхавшаго изъ Казани, по условію съ городомъ на смѣну драматической труппѣ Н. Д. Кручинина. Товарищество опоздало съ открытіемъ на три дня, благодаря нашимъ пресловутымъ желѣзнодорожнымъ „порядкамъ“. Въ Сызрани отцѣпили „по ошибкѣ“ отъ спеціальнаго поѣзда вагонъ съ декораціями, костюмами и куда-то его заслали. Пока все выяснили и отыскали „бѣглый“ вагонъ, пришлось обходиться кое-какъ и кое-чѣмъ. Начали не „Аидой“, какъ анонсировалось, а „Борисомъ Годуновымъ“. Вторымъ спектаклемъ шелъ „Фаустъ“ и только третьимъ, когда декораціи и костюмы были, наконецъ, найдены, поставили „Аиду“. Впечатлѣніе отъ первыхъ дебютовъ товарищества прекрасное: оркестръ и хоръ очень хороши, режиссерская часть несомнѣнно въ опытныхъ, талантливыхъ рукахъ, есть выдающіеся артисты, а постановка „Аиды“ сдѣлала бы честь любой образцовой сценѣ: стильна, свѣжа, красива, продумана до послѣдней мелочи. Ни одного декоративнаго анахронизма, ни одной нелѣпой „лишней“ фигуры въ массовыхъ сценахъ—каждый статистъ „отдѣланъ“. Великолѣпная Аида г-жа Маркова. Такое мощное, безукоризненно обработанное сопрано не часто услышишь на провинціальной сценѣ. Безукоризненной, стильно-величавой красавицей Амнерисъ была, по игрѣ и голосу, г-жа Рыбчинская. 3-я картина (сцена между Аидой и Амнерисъ) вызвала громъ апплодисментовъ. Весь спектакль, въ концѣ концовъ, превратился въ сплошную овацію: послѣ каждаго акта слышались возбужденные голоса: „Браво!“ „Всѣхъ!“ Даже: „Спасибо!“ Впрочемъ, постановка другихъ оперъ („Фаустъ“, „Демонъ“, „Русалка“, „Борисъ Годуновъ“, „Паяцы“, „Сельская честь“) не поражаетъ такимъ исключительнымъ блескомъ. Болѣе детальную оцѣнку силъ товарищества отложу до слѣдующаго раза.

Дала два концерта „знаменитая исполнительница и создательница русской народной пѣсни“ г-жа Плевицкая. Концертантку предшествовала не совсѣмъ умѣренная реклама: „Выше Вяльцевой“. „Выступала вмѣстѣ съ Собиновымъ“. „Фигнеръ называетъ „Шаляпинымъ въ юбкѣ“. Повѣрившіе всему этому анекдотическому „зазыванію“, конечно, разочаровались: сравнивать г-жу Плевицкую съ Шаляпинымъ—святотатство, съ Вяльцевой—дерзость. У новоявленной знаменитости совсѣмъ нѣтъ голоса—она скорѣе мелодекламируетъ, чѣмъ поетъ. Есть недюжинная выразительность, яркіе „нажимы“, особенно въ скорбныхъ моментахъ. Репертуаръ исключительно „опрятенъ“ и свободенъ отъ порнографіи, вотъ и всѣ „плюсы“ концертантки, совсѣмъ не дающіе ей права на заманчивую кличку „знаменитости“.

Съ первыхъ дней праздниковъ въ театрѣ „Олимпъ“ начинаются спектакли малороссійской труппы подъ управленіемъ г. Шатковскаго. *В. Ч—ичъ.*

ПЕНЗА. Какъ я уже писалъ, дѣла труппы г-жи Ризъ неважны. Да послужитъ это урокомъ г-жѣ Ризъ. Прежде чѣмъ пуститься съ труппой въ Пензу, надо было основательно разузнать, что было раньше.

А раньше, во-первыхъ, во время лѣтнихъ сезоновъ драматическій кружокъ народнаго театра уже много лѣтъ давалъ отличный артистическій персоналъ, такъ что публика привыкла предъявлять высокія требованія къ исполненію, а, во-вторыхъ, прошедшей зимой, какъ разъ передъ труппой г-жи Ризъ, подвизалась прямо превосходная труппа г-жи Марусиной, которая не жалѣла денегъ, чтобы поставить дѣло на должную высоту, и, обладая средствами, доказала, что даже большіе расходы этимъ путемъ возвращаются съ избыткомъ. У г-жи Ризъ до сихъ поръ еще не замѣтно ни организаторскаго таланта, ни антрепренерскаго чутья къ тому, чѣмъ въ данный моментъ можно привлечь въ театръ зрителей.

Положимъ, въ репертуаръ входятъ и новинки: „Обыватели“, „Лихой сердцеѣдъ“ и др., но, вѣдь, нужно заинтересовать ими публику, а не просто только поставить.

Безспорно, у насъ нѣтъ такихъ выдающихся величинъ, ради которыхъ публика валомъ валитъ въ театръ, какова-бы ни была пьеса и постановка.

Но во всякомъ случаѣ можно составить хорошій ансамбль и дать тщательную, даже изысканную постановку. И въ первое время въ немногихъ пьесахъ это удавалось. Теперь же наступилъ какой-то шаблонъ: распредѣленіе ролей не всегда соотвѣтствуетъ индивидуальнымъ особенностямъ дарованія исполнителей; но надо и то сказать, что при матеріальномъ неуспѣхѣ и энергія и рвеніе исполнителей естественно падаютъ.

А создать этотъ успѣхъ теперь, когда у публики уже сложилось извѣстное мнѣніе, будетъ весьма затруднительно, если не явится на помощь счастливая судьба. Можетъ быть, она уже и явилась въ лицѣ г-жи Стрѣшневой, которая случайно попала въ нашу труппу и съ солиднымъ, вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ выступала въ „Генеральшѣ Матренѣ“, въ „Лихомъ сердцеѣдѣ“ (Клодина), въ „Цѣнѣ жизни“ (Рыбницкой). Г-жа Стрѣшнева—опытная артистка, отлично знакомая со сценой; для фарса она нѣсколько тяжеловата по фигурѣ, но, благодаря своей подвижности и опытности, не даетъ этого замѣтить широкой публикѣ, которая принимаетъ ее съ большимъ сочувствіемъ. Станетъ-ли она Маскоттой для труппы,—это вопросъ недалекаго будущаго, но во всякомъ случаѣ амплуа coquette теперь, можно сказать, замѣщено подходящей величиной.

Вѣдь, нельзя же было думать, что г-жа Браиловская-Жданова—coquette; она выступала и въ фарсахъ и въ комедіяхъ въ этомъ амплуа, не обладая ни соотвѣтствующими внѣшними данными, ни манерами, ни темпераментомъ.

Есть въ труппѣ и вторая coquette, г-жа Рутковская, обладающая, говорятъ, весьма благодарными сценическими данными, ни она такъ рѣдко выступала на сценѣ, что мнѣ ни разу не удалось ее видѣть.

Немножко о бенефисахъ. Уже съ ноября они идутъ по четвергамъ, но мало мнѣ удавалось на нихъ присутствовать. Посѣщаемость ихъ не превышала обычной будничной посѣщаемости, исключая бенефисъ капельмейстера оркестра, когда въ концертномъ отдѣленіи принимала участіе мѣстная „несравненная“ кафешантанная дива, Н. М. Пушкина. Въ тотъ вечеръ театръ былъ полонъ. Послѣдній четвергъ былъ отданъ для бенефиса г-жи Тольской, которая поставила „Бога мести“ Шоломъ Аша, взявъ на себя роль Сарры.

Спектакль прошелъ въ общемъ удачно, если исключить г-жу Кирсанову, которая играла Ривкеле слишкомъ холодно и монотонно, и г-жу Троицкую, ни по внѣшней отдѣлкѣ, ни по внутреннему содержанію не подходившей къ роли Манки.

Здѣсь, очевидно, вышло какое-нибудь недоразумѣніе.

Ип. Ф.

СЫЗРАНЬ. Во вновь выстроенномъ послѣ пожара деревянномъ театрѣ Данилова начались съ 26-го ноября спектакли драматической труппы подъ управленіемъ А. А. Кравченко.

Составъ труппы: Т. М. Владимірова, Е. В. Киселева, М. И. Набокова, Н. Б. Пронская, Л. М. Сѣверная, М. П. Струйская, М. В. Тольская, Е. Ф. Черкасова, П. А. Цвѣткова, Л. М. Бряцаловъ, С. П. Вязовскій, В. М. Галинскій, В. П. Гранковскій, М. И. Комаровъ, А. А. Кравченко, И. М. Любимовъ, П. К. Ларіоновъ, И. А. Нагайцевъ, А. П. Рязанцевъ, К. В. Сафоновъ, и Е. Т. Федосѣенко. Главный режиссеръ, А. А. Кравченко; очередые режиссеры: М. И. Комаровъ и К. В. Сафоновъ и Е. Т. Федосѣенко; помощникъ режиссера—А. П. Рязанцевъ.

Съ 26-го ноября по 12 декабря были поставлены: „Дядя Ваня“, „Безъ вины виноватые“, „Женитьба Бѣлугина“ „Идеальная жена“, „Послѣдняя жертва“. „Рабочая слободка“, „На порогѣ великихъ событій“, „Бой бабочекъ“ и „Свѣтитъ да не грѣетъ“.

Антреприза терпитъ убытки, но винить въ этомъ труппу и репертуаръ нельзя. Пьесы идутъ съ хорошимъ ансамблемъ, замѣтно, серьезное, скажу больше,—интеллигентное отношеніе режиссера и артистовъ къ дѣлу, даются по силѣ возможности недурныя декораціи, ставятся по пятницамъ общедоступные спектакли по очень дешевымъ цѣнамъ, разсылаются по учебнымъ заведеніямъ даровые билеты и предлагается 10%-ая скидка служащимъ въ казенныхъ учрежденіяхъ, т. е. дѣлается буквально все, что только можно требовать отъ труппы. По моему мнѣнію есть двѣ причины плохихъ сборовъ: 1-я—зданіе театра и 2-я непривычка публики къ зимнему театру.

Деревянный театръ Данилова еще не отдѣланъ: какъ снаружи, такъ и внутри имѣетъ видъ сарая. При входѣ въ театръ охватываетъ отвращеніе отъ всей его грязи и неуютности. Что простительно и терпимо въ циркѣ и даже въ лѣтнемъ театрѣ, то отталкиваетъ въ зимнемъ, гдѣ хочется хотя бы примитивной красоты и уютности, кромѣ того въ театрѣ Данилова холодно; большая часть публики не снимаетъ верхняго платья и галошъ,—посудите сами: какой получается видъ зрительнаго зала! Если бы наши театровладѣльцы не были, что называется, „безсовѣстными эксплуататорами“, то они считали бы нравственной обязанностью сначала отдѣлать театръ, а затѣмъ уже получать съ него доходъ. Мнѣ много приходилось видѣть театровъ, подобныхъ сызранскому театру Данилова, и не только частные театровладѣльцы виноваты въ „кулачествѣ“, но и городскія управленія. Почему-то считается вполнѣ нормальнымъ сдавать труппамъ, часто за высокую плату, холодные сараи безъ всякихъ намековъ на удобства, какъ для актеровъ, такъ и для публики, въ то время, какъ ни одинъ домовладѣлецъ не посмѣетъ предложить обывателю никуда негодную квартиру за хорошую плату. Обыкновеніе это объяснить не трудно: театровладѣлецъ пользуется своимъ монопольнымъ правомъ, ибо въ небольшихъ городахъ—одинъ театръ. Русскому актеру приходится многому подчиниться и многое стерпѣть. Такова его доля. Мнѣ хочется въ нѣсколькихъ словахъ разсказать про труппу А. А. Кравченко. Первое мѣсто въ ней занимаетъ Л. М. Сѣверная. Это—опытная артистка съ красивой внѣшностью, немного холодная въ переживаніяхъ, но отдѣлывающая детально каждую роль. Главный недостатокъ—неумѣніе владѣть дыханіемъ, вслѣдствіе чего получаются утомляющіе публику постоянные вздохи, вскрики и т. п.

Есть нѣкоторое однообразіе жестовъ. Изъ молодыхъ артистокъ обращаетъ на себя вниманіе—Е. Ф. Черкасова. Если бы она кончала Имп. театральное училище, то ей можно было бы предсказать блестящую будущность; по всей вѣроятности Черкасову приняли бы на Александринскую сцену, ибо она не уступаетъ въ сценическихъ данныхъ и талантѣ Коваленской и Тине, но... Черкасова подвизается въ глухой провинціи и мало надежды на то, что житейская волна вынесетъ ее на одну изъ столичныхъ сценъ. Особенно естественна и трогательна Черкасова въ роли Оли („Свѣтитъ да не грѣетъ“). Недурна характерная актриса Т. М. Владимірова и мила М. В. Тольская. Вообще женскій персоналъ сильнѣе мужского. Нѣтъ хорошаго любовника, такъ какъ К. В. Сафоновъ, при всей его горячности, не обладаетъ достаточнымъ опытомъ. Не понравился мнѣ бытовикъ—Л. М. Бряцаловъ; у него фальшивый тонъ. Самъ Кравченко опытный и интересный артистъ, но берется не за свои роли (Залѣшинъ въ „Свѣтитъ да не грѣетъ“). Лучше другихъ—комикъ М. И. Комаровъ.

Хорошо бы было, если бы антреприза продержалась до Рождества и поправила бы на праздники свои дѣла. Авось! Чѣмъ чортъ не шутитъ.

Вс. Мусинъ-Пушкинъ.

ЕКАТЕРИНБУРГЪ. За первый мѣсяцъ оперная антреприза И. Я. Альтшулера, взявшая по 425 р. на кругъ, не добрала для покрытія мѣсячнаго расхода около 2500 р., труппѣ заплачено полностью. Дефицитъ этотъ явился не слѣдствіемъ конкуренціи со стороны цирка, еще пока не открытаго, а благодаря тому, что бывшая труппа Левицкаго, перешедшая съ 17 октября въ товарищество, стала ставить исключительно фарсы и отвлекла отъ оперы значительную часть публики, кромѣ того за это же время въ Екатеринбургѣ дала три спектакля труппа П. П. Гайдебурова, возвращавшаяся изъ Владивостока, два вечера—капелла Славянской и одинъ вечеръ—босоножка Артемизъ Коллонъ. Всѣ перечисленные гастролеры отвлекли много публики и повліяли на сборъ оперы.

Если антреприза не можетъ похвастать матеріальнымъ успѣхомъ за первый мѣсяцъ, то внѣ всякаго сомнѣнія художественный успѣхъ труппы. Оперное дѣло въ провинціи, гдѣ на повторныя представленія публика ходить не любитъ, дѣло въ смыслѣ репертуара очень трудное. Для сбора нужно каждый день ставить новую оперу, а такая смѣна неизбѣжно отражается на качествѣ постановки. Достаточно сказать, что антреприза А. въ одинъ мѣсяцъ поставила 21 новую оперу, и не только поставила кое-какъ, а съ величайшей тщательностью. Разумѣется, что тутъ потребовалось напряженіе силъ всей труппы, оркестра и хора.

Особой похвалы заслуживаютъ оркестръ и хоръ. Первый, попеременно руководимый дирижерами Паліевымъ и Коганомъ, своей стройностью чаруютъ слухъ. Строгій и выдержанный характеръ г. Паліева также чувствуется въ игрѣ оркестра, какъ и горячій темпераментъ г. Когана. Хоры подъ руководствомъ хормейстера (онъ же второй дирижеръ) г. Гессъ всегда стройны.

Краткій отзывъ свой о самой труппѣ дамъ въ алфавитномъ порядкѣ, чтобы не вызвать лишнихъ нареканій: очень ужъ обидчивы гг. артисты.

Г-жу Веселовскую я слышалъ, правда, въ одной партіи Лизы („Пиковая дама“) и долженъ констатировать, что голосъ пѣвицы нѣсколько пострадалъ, утомленъ по сравненію съ тѣмъ, когда пѣвица пѣла въ Перми. Все же г-жа Веселовская—хорошая пѣвица и прекрасная артистка. Г-жа Нѣгина—пѣвица съ большимъ, чистымъ и мощнымъ голосомъ. Г-жа Осипова—обладаетъ прекраснымъ чистымъ и звучнымъ сопрано съ небольшой колоратурой. Пѣвица пользуется успѣхомъ, благодаря звучности своего голоса, умѣнію пѣть и отличной игрѣ. Изъ молодыхъ пѣвицъ выгодно выдѣлилась г-жа Задонская, недавно, по болѣзни другой, спѣвшая партію Маргариты въ „Фаустѣ“. Партія оказалась пѣвицѣ вполнѣ по голосу, чего нельзя сказать объ игрѣ: по всему видно было, что пѣвица—совершеннѣйшій новичекъ на сценѣ. Г-жа Уральская—молодая пѣвица, подающая надежды. Г-жи Бѣлова и Энгельгардъ (на вторыя партіи)—полезности.

Покончивши съ сопрано, перейдемъ къ меццо-сопрано. Г-жу Ковелькову всегда слушаешь съ удовольствіемъ. Она положительно неутомима, поетъ чуть ли не каждый вечеръ и всегда съ одинаково большимъ успѣхомъ. Также, какъ и г-жа

Ковелькова, поетъ въ Екатеринбургѣ 2-й сезонъ г-жа Спѣшнева. Большой голосъ. Великолѣпная графиня въ „Пиковой дамѣ“ и няня въ „Онѣгинѣ“. Г-жа Коршъ—молодая пѣвица съ будущностью. Г-жи Жданова и Петрова—вполнѣ справляются со вторыми партіями.

Лирическихъ теноровъ въ труппѣ два: гг. Коммисаржевскій и Чаровъ. Первый поетъ въ Екатеринбургѣ второй сезонъ и пользуется вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ. У г. Чарова вполнѣ установившійся, дѣйствительно „чарующій“ голосъ, которымъ пѣвецъ, прошедшій, повидимому, хорошую школу, пользуется вполнѣ умѣло. Драматическій теноръ—Черновъ прекрасный пѣвецъ и артистъ. Екатеринбургская публика долго будетъ помнить г. Чернова въ партіяхъ: Германа („Пиковая дама“), Елеазара („Жидовка“) и Каніо („Паяцы“). Бѣляевъ, Винарникъ и Ускинъ, послѣдній особенно—очень полезныя силы въ труппѣ. Баритоны: гг. Андога-Журовъ занимаетъ далеко не первое мѣсто въ труппѣ. Голосъ его, особенно на низкихъ нотахъ, непріятно дребезжитъ. Средній и верхній регистры значительно лучше. Альтшулеръ (антрепренеръ и главный режиссеръ) выступаетъ иногда въ комическихъ партіяхъ, какъ Баротоло („Севильскій цирюльникъ“), гудочникъ Скула („Игорь“) и всегда вноситъ впечатлѣніе юмора. Горленко и Леонидовъ—пользуются большимъ успѣхомъ и вполнѣ заслуженно. Изъ басовъ чаще всего выступаютъ гг. Маратовъ и Шидловскій, рѣже гг. Россолимо и Иваницкій. Г. Маратовъ очень хорошій пѣвецъ съ прекраснымъ могучимъ и чистымъ голосомъ. У г. Шидловскаго очень большой голосъ, требующій, однако, нѣкоторой обработки. На вторыя партіи—гг. Эзрохъ и Покровскій. Режиссеръ г. Усыскинъ. Декораторъ г. Бурдель.

Опера съ 6 декабря переѣхала въ Пермь.

Труппа Левицкаго предприняла непродолжительную поѣздку по ближайшимъ большимъ заводамъ и сдѣлала не дурныя дѣла. Что она дальше предприметъ, не извѣстно. Левицкій не прочь отдать залъ Обухова кому угодно, но охотниковъ нѣтъ пока. Кто пойдетъ на завѣдомый прогаръ?

ОРЕНБУРГЪ. Текущій сезонъ проходитъ у насъ довольно живо. Труппа городского театра (дирекція Эстеррейхъ) имѣетъ въ своемъ составѣ очень солидныя силы, пьесы идутъ часто съ прекраснымъ ансамблемъ. Въ постановкѣ чувствуется опытная режиссерская рука г. Аярова. Шли „Джентльмэнъ“, „Вишневый садъ“, „Новое поколѣніе“, „Чужое счастье“, „Обыватели“, „Анфиса“, „Анатэма“ и др. Почти всѣ перечисленныя пьесы ставились по 3—4 раза, что для Оренбурга, по мѣстнымъ нравамъ, большая рѣдкость. Сборы въ общемъ удовлетворительны; Андреевскія новинки дали 4 полныхъ сбора. По вторникамъ фарсы, по воскресеньямъ утренники съ лекціями для учащихся. Для утренниковъ давались пьесы Островскаго, Грибоѣдова, „Борисъ Годуновъ“ Пушкина и т. п. Сборы почти всегда полные. Лучшія силы труппы: г-жи Петипа (съ успѣхомъ выступала въ „Вишневомъ садѣ“ (Варвара), „Коварствѣ и любви“ (Луиза) и др. Въ свой бенефисъ ар-

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

МИЛАЯ МАМОЧКА!

Покупай мнѣ **шоколадъ съ лейцитиномъ Леопольда Столкинда,**—мнѣ тоже хочется поздоровѣть, какъ Коля, Лиза и Петя. Они были такіе худые, блѣдные, слабенькіе, плохо бѣгали, а теперь смотри, какіе они румяные, толстые, сильные, а все отъ того, что ѣли много **шоколаду съ лейцитиномъ Леопольда Столкинда.**

Складъ у Торговаго Дома **Л. СТОЛКИНДЪ и К°**
МОСКВА, Никольская. БЕРЛИНЪ О. 27/6.

2—2

ВНИМАНІЮ гг. АРТИСТОВЪ.
Все необходимое для грима
имѣется въ громадномъ выборѣ лучшихъ заграничныхъ фабрикъ, а также парфюмерные и косметическіе товары всѣхъ фабрикъ.
Полный приборъ для грима
въ изящной коробкѣ съ зеркаломъ **10** руб.
Получены послѣднія новости парфюмерій Парижа и Лондона.
АПТЕКАРЬ и ПАРФЮМ. МАГАЗИНЫ
В. БЮЛЕРЪ.
1) Невскій пр., уг. Владимирской № 47—2. 2) Кузнечный пер., уг. Б. Московской № 1—2.
Телефонъ № 1066. С.-Петербургъ.

Морская, 27, кв. 11, (во дворѣ, 2-й этажъ).
SPÉCIALITÉ DE COSTUMES
d'Enfants et Fillettes.
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ДАМСКОЕ БѢЛЬЕ, РУЧНАЯ РАБОТА, ДАМСКІЯ БЛУЗЫ
M-me SCHOUCHINE,
возвратившись въ Петербургъ, послѣ 8-лѣтняго пребыванія въ Ниццѣ и Парижѣ, возобновляетъ свои спеціальныя мастерскія дѣтскаго изящнаго платья, а также мастерскія дамскихъ блузъ и самаго изящнаго дамскаго бѣлья

КОРСЕТЫ
НОВѢЙШИХЪ ФАСОНОВЪ
МОДЕЛИ ПАРИЖА
Бюстгальтеры
Набрюшники
„Dernière nouveauté“.
ФРАНЦУЗСКІЕ ВЯЗАНЫЕ КОРСЕТЫ И БЮСТГАЛЬТЕРЫ ИЗЯЩНЫЕ И ГИГІЕНИЧНЫЕ.
Корсеты „PLASTIK“
ДЛЯ АРТИСТОВЪ.
СПБ. ФАБРИКИ
МАРКУСА ЗАКСА.
Литейный, 45 прот. Бассейной
Телефонъ 238-40.
Подробныя брошюры по требованію.

Телеф. № 55-89.

М. СОКОЛОВЪ.
Работавшій много лѣтъ у **Г. МОЗЕРЪ и К°.**
Какъ спеціалистъ предлагаетъ по фабричнымъ цѣнамъ слѣд. его сорта часовъ, лично имъ точно провѣренные съ ручательствомъ на **5** лѣтъ.

Ст. муж. час. отъ	2.50 до 28 р.	Сер. дам. час. отъ	6.75 до 19 р.
Ст. дам. „ „	3 „ 15 „	Зол. муж. „ „	35 „ 225 „
Сер. муж. „ „	7.50 „ 25 „	Зол. дам. „ „	18 „ 125 „

МАГАЗИНЫ и МАСТЕРСКІЯ ЧАСОВЪ, ЗОЛОТО, СЕРЕБРО и БРИЛЛІАНТЫ.
Невскій, 71, уг. Николаевской ул.
Невскій, 59, д. бывшій Г. Блокка.

НАТУРЕЛЬ КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ *ГОЛЛЕНДЕРЪ.*
Безвредная и прочная, окрашивающая волосы въ натур. цвѣта: черный, каштанов. и темнорусый.
КРАСКА НАТУРЕЛЬ не имѣетъ дурного вліянія на волосы. Ц. коробки **1** р. **50** к., съ перес. въ Европ. Росс. **2** р. **Требовать во всѣхъ аптек. и парф. маг. Россіи.** Главн. скл. у изобр.: Торг. домъ „Парф. Лабор. **І. Голлендеръ**“, С.-Петербургъ, Разъѣзжая 13.

гистка ставила „Духъ земли“ (Ведекинда), Горская—на роли старухъ. (Бабушка въ „Анфисѣ“, Сура въ „Анатэмѣ“ и др.), Крымова (хорошая Аня въ „Вишневомъ садѣ“), Нинина, Гурова, Бережанова и др., Аяровъ (особенно понравился въ роли Гаева — „Вишневый садъ“, нѣсколько слабѣе вышелъ у него Давидъ Лейзеръ въ „Анатэмѣ“). г. Лидинъ (прекрасный Фирсъ и Шмага), Невѣринъ и др. *Г. Ю.*

ХЕРСОНЪ. Съ большимъ успѣхомъ прошли еще два бенефиса пользующихся у насъ вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ: Н. Н. Волоховой („Маргарита Готье“) и Н. И. Успенскаго („Маска снята“).

За послѣднее время поставленъ цѣлый рядъ интересныхъ пьесъ („Большой человѣкъ“, „Сатана“, „Идіотъ“, „Дѣти XX вѣка“ и „Хижина дяди Тома“—угренникъ). Публика стала охотно посѣщать театръ, и полные сборы теперь не рѣдкость. Изъ вторыхъ силъ замѣтными шагами впередъ идетъ молодой, очень способный актеръ г. Кручининъ. Исполненіемъ ролей Захарова—деньщикъ въ „Старомъ закалѣ“ и француза въ „Большомъ человѣкѣ“ онъ по заслугамъ занялъ почетное мѣсто въ труппѣ. Ничего цѣннаго не представляютъ собою гг. Городецкій, Чернышевъ, Норскій, а изъ женскаго персонала: г-жи Симбирская, Долина, Скловская и Морская. Послѣдняя пробовала, было, выступать въ болѣе или менѣе отвѣтственныхъ роляхъ, но ничего цѣльнаго и интереснаго дать не сумѣла. Съ еще большимъ сожалѣніемъ приходится констатировать фактъ, что „слухи“ о достоинствахъ г-жи Мельгорской А. Е., занимающей въ труппѣ довольно отвѣтственное амплуа (кокетъ) „сильно преувеличенны“.

Особнякомъ стоятъ г-жи Алексѣева и Лѣсная. Это, несомнѣнно, двѣ крупныя и цѣнныя силы въ труппѣ. Недурны г-жи Романова и Невѣрова. Обѣ онѣ—опытныя, хорошо знающія сцену актрисы. Въ послѣднее время довольно часто сталъ выступать и г. Лебедевъ и по поговоркѣ: „своя рука владыка“, беретъ довольно отвѣтственныя роли. Правда, публика любитъ его, много апплодируетъ, часто вызываетъ; играетъ недурно, но намъ кажется, что его роли съ большимъ успѣхомъ могли-бы быть выполнены другими, каковыхъ въ труппѣ не мало.

Dixi.

Редакторъ О. Р. Кугель. Издательница З. В. Тимофеева (Холмская).

СПБ. ГИНЕКОЛОГИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ.

5-я Рождественская, д. 4, прот. ул. Жуковскаго.

Пріемъ больныхъ страдающихъ женскими, акушерскими и хирургическими болѣзнями

Имѣются вполнѣ оборудованныя: **водолечебница, грязелечебница электролечебница и свѣтолечебница** и отдѣленіе **для гимнастики и массажа.**

Плата: отдѣльная комната отъ **4 руб.**, общая отъ **3 руб.**

Амбулаторный пріемъ ежедневно отъ **11** до **4** ч. и отъ **7** до **8** ч. веч.

Телефонъ 23-59 и 70-03.

Институтъ открытъ въ теченіи всего года.

Карандаши для грима

ПУДРА
БѢЛИЛА
РУМЯНА
ГУБНАЯ ПОМАДА

Т-во А. РАЛЛЕ и К°.

ФАБРИКАНТЫ СПЛОШНО-ГНУТЫХЪ БУКОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ.

БРАТЬЯ ТОНЕТЪ изъ ВѢНЫ

ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

VIRIBUS UNITIS

ГЛАВНЫЙ ФАБРИЧНЫЙ СКЛАДЪ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВѢНСКАЯ, ГНУТАЯ-БУКОВАЯ:
Невскій просп., № 16-7. Телефонъ 12-39.

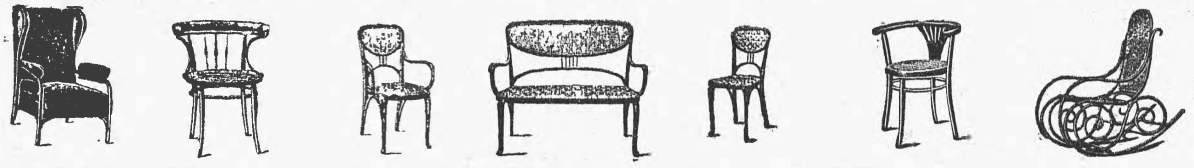
СТИЛЬНАЯ, ХУДОЖЕСТВ. СТОЛЯРНАЯ
Улица Гоголя, № 9 Телефонъ 49-35.

ПОСТОЯННЫЙ ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ ОБРАЗЦОВЫХЪ КОМНАТЪ:

будуаровъ, кабинетовъ, гостиныхъ, столовыхъ, спальныхъ, переднихъ, дѣтскихъ и др. комнатъ, а также и отдѣльныхъ предметовъ.

ПРІЕМЪ ЗАКАЗОВЪ НА ПОЛНЫЯ УСТРОЙСТВА

квартиръ, клубовъ, офицерскихъ собраній, правленій, присутствій, учебныхъ заведеній и казенныхъ учрежденій всѣхъ вѣдомствъ—во всѣхъ стиляхъ и изъ разныхъ деревъ.



Иллюстрированные каталоги, планы и смѣты высылаются безплатно.

САТАНА и человѣкъ.

Драма въ 4 д. съ прологомъ Я. Гордина, перев. съ евр. М. А. Витъ (м. 5, ж. 4). **Цензурован. экземпл. 3 руб.**

Складъ изданія—коммис. отд. конторы „Театръ и Искусство“.

САТАНЕЛЛА 2—1

(Женщина изъ мрака), драма въ 4-хъ д. О. Бѣлой. Разр. безусловно (м. 5, ж. 4). Продается: Москва, Т. Библ. Соколовой.

ШАЛЬНАЯ ДѢВЧЕНКА

ком. въ 4 д. П. Гаво, перев. Ѳедоровича (м. 10, ж. 4), ц. 2 р., книжный отд. конторы „Театръ и Искусство“.

12-го Ноября 1909 г. дозвол. цензурою драма историческая подъ названіемъ **„Княжна Барбара Радзивиллъ и Король Польши и Литвы Зыгмундъ Августъ Ягелло“**, въ 4 д. происх. въ г. Вильно въ 1547 г., сочин. Я. И. Цвѣтковой-Волловичъ. Выпис. можно отъ автора: Меджибожъ, Подольской губ., домъ Стуса. 3—1

„ВОЗМЕЗДІЕ“.

Драматическій этюдъ въ 1 дѣйств. *Ларисы Морозевичъ*. Репертуаръ Литейнаго театра. Цензурованный экземпляръ можно получить Галерная, 11. 4—2

Пѣснь любви и смерти

др.-сказка въ 4 д. В. Буренина. Репертуаръ Спб. Малаго театра.

Цензур. экз. 2 р.

Коммисіонный отдѣлъ конторы „Т. и Иск.“.

на 1910 г.

Музыкальный Календарь

А. Габриловича.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ

НОТНЫХЪ

и

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Цѣна въ изящномъ перепл.

ОДИНЪ руб.

Главный складъ: СПБ. Куанечный пер. 19.

ВСЕОБЩАЯ ТЕХНИЧЕСКАЯ КОНТОРА

М. Фингертъ и Л. Гросманъ

С.-Петербургъ, Невскій пр. д. № 94. ◆ Телеф. {57—23. 107—06.

Устройство экономическаго электрическаго и газокалильнаго освѣщенія.

Передача электрической силы на разстояніи.

Генеральное представительство Германскаго Акціонернаго Общества „АУЭРЪ“:

Экономическая электрическая лампочка „ОСРАМЪ“.

(Пять золотыхъ медалей).

Экономическая газокалильная горѣлка „DEGEA“

съ внизъ горящимъ пламенемъ.

РАБЫ БОГА АДОНАЯ,

др. въ 3 д. Юлина. Цѣна 2 руб. Каждый актъ росписанъ по карт. Тамъ же: 1) новинка **„ПѢСНЬ ЛЮБВИ И СМЕРТИ“**, др.-ск. 4 д. В. Буренина. Ценз. экз. 2 р., 2) **„СТУДЕНТЫ“**, др. 4 д. Витенбауера, пер. Беера—2 р., 3) за 30 к. **ПОЛНЫЙ СПИСОКЪ** безусловно-разр. пьесъ 1909 г.

Изд. **„ТЕАТРАЛЬНЫЯ НОВИНКИ“**: СПБ., Мытнинская наб., 5. Перес. безплатно.

РОЯЛИ и ПІАНИНО

ЛУЧШИХЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ ФАБРИКЪ:

Стенвей и С-вья, Блютнеръ, Шидмайеръ (Schidmayer-Pianoforte-Fabrik), Фидлеръ

И ПЕРВОКЛАССНЫХЪ РУССКИХЪ ФАБРИКЪ.

Рояли отъ 600 р., піанино отъ 375 р. Большой выборъ роялей и піанино въ разныхъ стиляхъ.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, Морская ул., № 4. Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина. Рига, Сарайная ул., 15.

РОЯЛИ ПІАНИНО

К. М. Шредеръ

С.-Петербургъ,—Невскій, 52, уг. Садовой.

На выгодныхъ условіяхъ СДАЕТСЯ
съ 20-го Декабря с. г.
зимній театръ И. Б. СТАМБОЛИ
въ г. Мелитополѣ (Таврич. губ.).

СТАВРОПОЛЬ-ГУБ.

Новый лѣтній театръ, закрытый, М. С. Пахалова свободенъ на лѣто 1910 г. съ 1-го іюля. Новыя декораціи освѣщ. электр. Всѣ удобства. Вмѣщ. 600 руб. опери. дѣн. 1000 р. Желательно оперу или оперетту. (Съ 19 апрѣля по 1 іюля сданъ на второй сезонъ малорос. А. А. Суходольскому). 4—1

г. КУРСКЪ

Городской театръ свободенъ и сдается гастрольнымъ труппамъ съ 1-й недѣли Великаго поста, обращаться за справками: Курскъ, Городской театръ, Ф. Ф. Вронченко-Левицкому.

Сдаются театры

(1910 года)

для оперы, оперетки и малороссійскихъ спектаклей

въ г. **Н.-НОВГОРОДѢ** (городской) на В. Постъ, Пасху, Ѳоминую и лѣто.

въ г. **УФѢ** (театръ г. Видинеева) съ 15 Іюля по 1 Сентября.

За условіями сдачи обращаться къ **П. П. Медвѣдеву**—въ Н.-Новгородъ, Городской театръ.

МАРШРУТЪ.

ПОѢЗДКА БРАТЬЕВЪ

Роберта и Рафаила

АДЕЛЬГЕЙМЪ

съ собственной труппой.

Съ 15-го Декабря по 14 Января—ВАРШАВА.

КРЕМЕНЧУГЪ

(Полт. губ.).

Отдается въ аренду съ 1 января 1910 года городской садъ съ паркомъ и другими постройками. Желательна долгосрочная аренда, при условіи постройки зданія лѣтняго театра. Условія найма:—Кременчугъ—Городская Управа.

8—6

Просьба сообщить, гдѣ находится въ настоящее время

капелла Славянской,

въ которой находился мой сынъ. Адресъ: Екатеринославъ, уголъ Харьковск. и Торговой ул., домъ Давидовскаго, типографія Л. М. Гришеновича.

ВНѢ КОНКУРСА!

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО

НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКѢ.

Приготовленное въ Лабораторіи А. ЭНГЛУНДЪ.

Завѣдующіе Лабораторіею Докторъ В. К Паниченко и А. Н. Энглундъ.

Мыло глицериновое на березовомъ сокѣ, котораго обильная освѣжающая и пріятная пѣна, впитываясь въ кожу, придаетъ ей нѣжную бѣлизну, мягкость и бархатистость.

Цѣна 50 коп. за кусокъ, съ пересылкой 3 куска 2 р.

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить особенное вниманіе на подпись А. Энглундъ, красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи, которыя имѣются на всѣхъ этикетахъ. Получать можно во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ, косметическихъ и парфюмерныхъ складахъ Россійской Имперіи. Главныя агентства и склады фирмы для Европы: Гамбургъ—Эмиль Беръ; Вѣна—Лео Глаубаухъ, Кертнеръ Рингъ, 3; Ницца—Е. Летаръ; для Южной и Сѣверной Америки: Нью-Іоркъ—Л. Мишнеръ. Главный складъ для всей Россіи А. ЭНГЛУНДЪ, С.-Петербургъ, Новодеревенская набережная 15.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ БЕЗПЛАТНО.

12 тысячъ париковъ.

ФАБРИКА ПАСТИЖА и ТЕАТРАЛЬНЫХЪ ПАРИКОВЪ.

ПОЛУЧИЛЪ ЗА ВЫСТАВКУ ВЪ ПАРИЖѢ ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМЪ И МЕДАЛЬ.

ЗА ВЫСТАВКУ ВЪ РОСТОВѢ НА ДОНУ ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ.

12 тысячъ париковъ.

Гримеръ и Театральный Парикмахеръ СПБ. Народнаго Дома ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

и остальныхъ 6-ти Попечительскихъ театровъ о народной трезвости, а также С.-Петербургскихъ и Московскихъ частныхъ театровъ.

Въ С.-Петербургѣ: Лѣтняго и Зимняго театра Буффъ, театра Пассажъ, театра Фарсъ Тумпакова, театра Фарсъ Казанскаго, театра Гиньоль, Театральнаго клуба, Новаго Лѣтняго театра, театра Акваріумъ, СПБ. Зоологическаго сада, театра Эденъ, Шато-де-флеръ и проч.

Въ Москвѣ: Лѣтняго и Зимняго театра Эрмитажъ и Дѣтской труппы Чистякова.

ГЕННАДІЙ АЛЕКСАНДРОВЪ.

ГЛАВНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ ФАБРИКИ, МАСТЕРСКІЯ, КОНТОРА и МАГАЗИНЪ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, Кронверкскій пр., 61. Телефонъ 85-78.

Разсылаю по провинціи опытныхъ мастеровъ-гримеровъ съ полнымъ комплектомъ париковъ.

ДАМСКІЙ ЗАЛЪ — ПРИЧЕСКА ДАМЪ И ВСЕВОЗМОЖНЫЙ ПАСТИЖЪ (входъ съ отдѣльнаго подъѣзда съ Гулярной улицы).

Высылаю въ провинцію налож. платеж. всевозможные парики и бороды всѣхъ вѣковъ и характеровъ.

Типографія Спб. Т-ва Печатн. и Издат. дѣла „Трудъ". Фонтанка, 86.